

ЧТЕНІЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ ДѢТЕЙ.

—
КНИЖКА 2.

РРС 22636

Op 96
0-95

91(5)
- 95

ОЧЕРКИ ЗАУРАЛЬСКОЙ СТЕПИ

и

ВНУТРЕННЕЙ ИЛИ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ.

1845

Ушб-Тад
Миб-678
338 к.а.
Проверено
Миб 22636

Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

ОРЕНБУРГСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПРОВЕРено
1958

502

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1859.

Второй предлагаемый выпуск *Чтенія* для взрослыхъ дѣтей состоитъ изъ двухъ частей: одна посвящена описанію *Зауральской*, другая — *Заволжской степи*. Соединя въ одномъ очеркѣ, описаніе этихъ двухъ мѣстностей мы основывались болѣе всего на единоплеменности ихъ главныхъ обитателей и сходствѣ ихъ быта. Въ первой части мы обратили особенное вниманіе на этнографическія особенности киргизскаго племени, на его бытъ, нравы и обычаи; во второй части останавливались болѣе на географическихъ подробностяхъ самой мѣстности. Сюда же вошли и нѣкоторыя подробности путешествія профессора Гёбеля и его пребыванія у Хана Джангира. Записки его (*Reise in die Steppen des Südlichen Russlands*) легли главнымъ образомъ въ основаніе описанія Заволжской степи, точно также какъ сочиненіе г. *Левшина* (Киргизъ-Кайсаки) и статьи г. *Небольсина*, помѣщенные въ *Отечеств. Запис.* 1853 года подъ заглавіемъ: *Разказы проъзскаго* послужили для насъ главнымъ

источникомъ для этнографическаго очерка Заураль-
скихъ Киргизовъ. Характеристика Зауральской степи
взята нами изъ сочиненія Нешеля, помѣщенной въ
18-мъ томѣ Beiträge zur Kenntniss des russischen
Reichs etc.

ОЧЕРКЪ ЗАУРАЛЬСКИХЪ СТЕПЕЙ.

I.

Зауральскія или Киргизъ-Кайсацкія степи, названныя такъ по имени своихъ кочевыхъ обитателей, Киргизъ-Кайсаковъ, занимаютъ вообще огромное, еще неизмѣренное пространство, растянувшееся на перепутьѣ изъ европейской Россіи и западной Сибири въ южную часть азіатскаго материка. Они начинаются отъ самыхъ береговъ Урала и раскинулись далеко на востокъ во внутрь Азіи. Такимъ образомъ Киргизскія степи захватываютъ громадную область между Ураломъ—съ запада и китайскими предѣлами—съ востока; и между Аральскимъ моремъ и впадающею въ него рѣкою Сыръ-Дарьею—съ юга и рѣкою Иртышомъ—съ сѣвера. Но не все это пространство называется собственно *Зауральскою степью*: подъ этимъ послѣднимъ именемъ разумѣется одна лѣвая половина его, ближе къ Уралу; о ней-то мы и будемъ говорить здѣсь.—Посмотримъ сначала на самую мѣстность.—Степь представляется безлѣсною, бѣдною возвышенностями площадью, касающеюся, по видимому, своимъ мореподобнымъ горизонтомъ, голубаго безоблачнаго небснаго свода.—Но эта площадь вовсе не представляетъ

собою совершенной равнины. Если ближе всмотришься въ эту степь, то она является намъ волнистою поверхностью, такъ что на небольшомъ даже разстояніи лошадь съ всадникомъ и даже большой верблюдъ пропадаютъ совершенно изъ виду, словно будто они куда-то погрузились. Отлогія возвышенія смѣняются здѣсь плоскими углубленіями, подобно волнамъ большаго моря, такъ что горизонтъ то чрезвычайно расширяется, то опять суживается.

Совершенное отсутствіе большихъ, рѣзко очерченныхъ предметовъ, каковы напримѣръ деревья, строения и т. п., не позволяетъ глазу, непривычному къ степи, точно измѣрить разстояніе, и чрезвычайно какъ его обманываетъ. Холмы въ нѣсколько сотъ футовъ вышины поднимаются передъ вами на весьма еще далекомъ разстояніи, но еще поразительнѣе глубокія долины и промоины съ крутыми краями, къ которымъ вдругъ подъѣзжаетъ путникъ, прежде ихъ и не замѣчавшій. Свѣтъ, вѣтеръ, звукъ ничѣмъ здѣсь не держиваются. Нигдѣ ни тѣни, ни затишья, ни отраженія звука, ни отголоска. Всюду жжетъ, вездѣ вѣетъ вѣтромъ, всюду глухо и тихо. Подъ темными и нависшими грозowymi тучами начинается отъ времени до времени крутиться песокъ, и потомъ несется по степи съ дикими движеніями, громаднымъ, грозящимъ все засыпать столбомъ. Только въ низшихъ, сильно нагрѣтыхъ слояхъ воздуха, свѣтъ подвергается замѣтному измѣненію въ своемъ направленіи, и вызываетъ такъ называемые миражи, обманчивые призраки. Жизнь и движеніе замѣтны только на берегахъ рѣкъ, да на отдѣльныхъ горахъ и холмахъ, лежащихъ островами на большомъ степномъ морѣ.

Къ характеристическимъ качествамъ Киргизской степи принадлежатъ замѣчательно рѣзкія перемѣны въ почвѣ, переходящей здѣсь отъ самаго плодороднаго чернозема черезъ всѣ степени доброты до сыпучаго песку и мертвыхъ соляныхъ топей, и далѣе наконецъ рѣзкое различіе явленій въ отдѣльныя времена года. Каждый отдѣльный видъ почвы представляетъ особенныя явленія, каждое время года новую совершенно особенную картину. То разстилается подъ ногами путника луговидный коверъ, или однообразно зеленый, или поросшій роскошными кормовыми травами, цвѣтами и кустарникомъ. То путь идетъ волнистыми отлогими холмами, вершины которыхъ покрыты надгробными памятниками, а долины и ущелія, находящіяся между ними, наполнены прѣсною водою и украшены живописными группами скалъ. Тамъ движется медленнымъ шагомъ таборъ кочевниковъ, пасущихъ свои громадныя стада; — здѣсь забавляется веселыми скачками легконогій сайгакъ, или расхаживаютъ по степи сурки и другія семейства степныхъ грызуновъ. Тамъ гнѣздятся цѣлыя стаи птицъ и скрывается змѣя и зеленая ящерица, здѣсь жужжать безчисленные жуки и мошки, трещитъ кузнечикъ и прожорливая саранча, тамъ опять летаетъ пестрая бабочка.

Но за то въ другой разъ глазъ утомляется необозримыми сѣраго и желтаго цвѣта пространствами, покрытыми разнообразной полынью и другими растеніями. Среди ихъ словно выплываютъ зеленые, соловчачками поросшіе оазисы, и бѣлоснѣжныя, покрытыя осадками соли мѣста, вонючія, черныя, бездонныя соляныя болота, или отдѣльныя, крутыя, горныя вершины. Въ трещинахъ и ращелинахъ солонцеватой почвы гнѣздятся

скорпионы, тарантулы, фаланги и другія науковидныя насѣкомыя, на поверхности двигаются неповоротливыя жабы, ящерицы, — и все это такъ желто, такъ сѣро и блѣдно. Даже всѣ воды здѣсь мутны и солоны. Тѣмъ не менѣ негостепріимныя равнины эти служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ дикихъ лошадей или ословъ, верблюдовъ и овецъ, и заключаютъ въ себѣ богатые запасы поваренной соли и горячаго матеріала.

Перейдешь опять на другое мѣсто, и очутишься въ безконечной, безводной песчаной степи. Все вокругъ ослѣпительно желтаго цвѣта; воздухъ сухъ и пыленъ, песокъ раскаленъ, и словно сильными бурями свѣянъ въ холмы и цѣлыя горы, между которыми находятся котловидныя углубленія, снабженныя по большей части хорошею водою. Но и песчанья эти пустыни не лишены всякой жизни. Нѣжная зелень, образуемая растеніями, свойственными здѣшнимъ мѣстамъ, покрываетъ покатоги, и въ углубленіяхъ скрываются тростниковыя растенія, а нерѣдко густой ивнякъ. Особенности совершенно виды насѣкомыхъ и птицъ оживляютъ эти маленькіе сады, а земля кишитъ насѣкомыми и ящерицами.

И опять совершенно иной видъ представляетъ степь путнику, ѣдущему вдоль по берегамъ озеръ и рѣкъ. Какъ среди степи, такъ и здѣсь мѣняются качества почвы, съ тою только разницею, что измѣненія здѣсь гораздо быстрѣе. Отдѣльные виды почвы занимаютъ здѣсь гораздо менѣ мѣста, и болѣе разбросаны. Отсюда проистекаетъ, что одна и та же рѣка или озеро наполнены не одною водою. Гдѣ дно рѣки или озера песчаное, тамъ и вода чистая и прѣсная или весьма

немного солоновата; гдѣ же дно глинистое или солончаковое, тамъ и проточная и стоячая вода мутна, соляна и горька. Замѣчено еще кромѣ того, что тамъ, гдѣ хорошая почва находится на большомъ протяженіи, ощущается обыкновенно недостатокъ въ водѣ, а гдѣ на оборотъ, воды довольно, тамъ недостатокъ въ лугахъ и въ пахатной землѣ. Но во всякомъ случаѣ, берега рѣкъ и озеръ принадлежать къ самымъ оживленнымъ и прекраснымъ мѣстамъ степи. Близость воды вызываетъ болѣе здоровую и продолжительную растительность. Мы видимъ здѣсь часто цѣлыя пространства, покрытыя цвѣтущими растеніями, даже не большія поля проса, ячменя, конопли, бакчи съ арбузами и дынями, воздѣлываемыя киргизами, не имѣющими стадъ, при помощи чрезвычайно затруднительнаго орошенія. Густые высокіе лѣса тростника, растущіе по окраинамъ водъ, скрываютъ множество болотныхъ и водяныхъ птицъ, черепахъ и другихъ земноводныхъ, большія стада кабановъ, выдръ, а иногда попадаются здѣсь и тигры. Безчисленныя стаи мошекъ и комаровъ заставляютъ здѣсь страдать и людей и животныхъ.

Видъ степи чрезвычайно измѣняется, смотря по временамъ года. Едва только снѣгъ начинаетъ сходить, едва онъ начинаетъ пропадать съ вершинъ холмовъ, какъ тотчасъ же пробуждается особеннаго рода движеніе въ степи. Двѣ могучія стихіи — вода и огонь вступаютъ въ дикую борьбу между собою. Воды волнуются, степь горитъ, словно будто дѣло идетъ о гибели безконечной ровнины. Воды выступаютъ изъ береговъ, каждый ручей становится рѣкою, рѣчки — громадными рѣками, каждое болото — безграничнымъ

озеромъ. Въ это самое время киргизы поджигаютъ, на осушенныхъ уже мѣстахъ, прошлогоднюю траву и кустарникъ. Дымъ наполняетъ воздухъ, и горизонтъ блеститъ какъ огненное море. На низменныхъ мѣстахъ, волнуется вешняя вода, точно будто хочетъ затопить землю, а на возвышенностяхъ пожираетъ пламя своимъ кровавымъ языкомъ старую изсохшую траву. И вода и огонь, каждый по своему, стремится возобновить уснувшую силу почвы и подкрѣпить ее. И дѣйствительно, едва только погаснетъ пламя и войдутъ въ свои берега воды, какъ и замѣчается уже шагъ за шагомъ благодѣтельное вліяніе этого величественнаго возрожденія почвы. На черныхъ обгорѣвшихъ высотахъ появляется роскошное, темнозеленое покрывало; а на мѣстахъ, едва только оставленныхъ водою, показывается пестрый коверъ изъ цвѣтовъ, оживленный жужжащими насѣкомыми и густыми, облакамъ подобными стаями различныхъ птицъ. Но прекрасная эта картина не продолжительна. Ирисы, тюльпаны и дикій миндаль быстро отцвѣтаютъ, и словно волшебствомъ какимъ исчезаетъ все великолѣпіе. Пропадаютъ насѣкомыя, рассыпаются стаи птицъ. Ослѣпляющее, тѣни не допускающее море свѣта обтекаетъ своими раскаленными, все иссушающими лучами странную, зеленую степь, темныя тучи несутъ съ собою грозу и страшными столбами воздымаются пыль. Но бури разгоняютъ облака, и напрасно ждешь, напрасно жаждешь живительнаго дождя. Все явственнѣе раздѣляется зелень на разноцвѣтныя поля; безплодныя солонцеватыя болота и песчаныя равнины выступаютъ рѣзче и опредѣленнѣе, рѣки и озера вступаютъ постепенно въ свои русла и съуживаются, вода

становится мутна и густа, и наполняется инфузоріями, песокъ раскаляется, укушенія змѣй, скорпіоновъ и тарантуль дѣлаются опаснѣе и все невыносимѣе и невыносимѣе становятся злыя стаи мошекъ и комаровъ. Трава желтѣетъ и сохнетъ, и только по берегамъ рѣкъ и озеръ, да между песчаными холмами сохраняется зелень въ продолженіе всего лѣта.

Наступаетъ осень. Солнечные лучи утрачиваютъ свою жгучесть и остроту, воздухъ становится прохладнѣе, облака гуще. Дожди освѣжаютъ землю, и снова между изсушенными солнцемъ стебельками начинается проглядывать зелень. По берегамъ водъ показываются даже снова цвѣты, какъ-будто бы снова наступала весна, но вотъ приходитъ зима съ холодами и буранами, и развѣваетъ ключья снѣга по землѣ, все болѣе и болѣе зеленѣющей, и повергаетъ наконецъ въ долгій сонъ проснувшуюся на короткое время природу.

II.

Въ этой сейчасъ описанной степи живетъ любопытное племя, извѣстное у насъ подъ именемъ *Киргизовъ* или—полное названіе его—*Киргизъ-Кайсаковъ*. Но такъ называютъ это племя только у насъ, въ Европѣ; это имя чужое; ни сами себя—Киргизы, ни сосѣди ихъ, кромѣ русскихъ, не называютъ этимъ именемъ. Имя—Киргизы принадлежало всегда одному очень древнему племени, которое отличалось своею дикостью и издавна жило въ Сибири. Оно постоянно было грознымъ врагомъ всѣхъ своихъ сосѣдей, грабило и рѣзало все, что ему попадалось. Больше всѣхъ страдали отъ его набѣговъ и разбоевъ сибирскіе города и селенія. Впослѣдствіи это племя спустилось съ Алтайскихъ горъ на югъ, и до сихъ поръ живетъ въ юго-восточномъ углу внутренней азіатской степи, на границахъ китайской имперіи. Оно извѣстно у азіатцевъ подъ именемъ *Кара*, то есть *Черныхъ Киргизовъ* и *Бурутовъ*. Сибиряки прозвали его *Дикими* или *Закаменными Киргизами*, потому что оно живетъ отъ нихъ за горами, а горы въ Сибири называются всегда *камями*.

Нынѣшніе Киргизъ-Кайсаки или *Казаки*, о которыхъ мы хотимъ говорить, не имѣютъ ничего общаго съ этимъ *дикимъ* племенемъ. Они жили также въ Сибири и назывались *Казаками*. Эти Казаки или Кайсаки прежде были совершенно независимы, и своими всегда нечаянными хищническими нападеніями дѣлали такой вредъ южнымъ сибирскимъ областямъ, что напомнили собою прежнее страшное имя Киргизовъ и русскіе вмѣсто брани стали и этихъ Казаковъ называть Киргизами. Къ ихъ обыкновенному названію *Казакъ* прибавлено было *Киргизъ* и произошло странное имя: *Киргизъ-Кайсаки* или *Казаки*.

Русскіе познакомились съ этими древними Казаками еще болѣе чѣмъ за 300 лѣтъ тому назадъ, когда правилъ московскимъ государствомъ Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный. Еще въ то время русскіе изображаютъ ихъ племенемъ сильнымъ, воинственнымъ; они занимали тогда середину нынѣшнихъ земель своихъ и составляли одно цѣльное племя, управлявшееся своимъ народнымъ вождемъ, Ханомъ. Потомъ они раздѣлились на нѣсколько частей. У Киргизовъ сохранилось очень давнее преданіе, будто бы одинъ изъ сильныхъ Хановъ умирая раздѣлилъ весь народъ между своими тремя сыновьями. Такъ произошли *Орды* Киргизскія. Удѣлъ старшаго брата получилъ названіе *Большой Орды*; удѣлъ втораго—*Средней Орды*, а удѣлъ младшаго—*Малой Орды*. Подъ словомъ Орда нашъ простой народъ разумѣетъ просто всякое кочевое племя или бродячую, пожалуй буйную шайку людей, смѣльчаковъ. Но у самихъ кочевниковъ *Орда* означаетъ *ставку* (жилище—шатерь) главнаго вождя, Хана. Было три орды, значитъ три различныхъ племени

или рода, управляемые своимъ особымъ начальникомъ.

Но положеніе этихъ ордъ было незавидное. Все время ихъ проходило въ ссорахъ, кровопролитіяхъ; Киргизы дрались не съ одними сосѣдями—Зюнгарами, Калмыками и др., но и другъ съ другомъ.— Одинъ родъ поднимался на другой, производилъ набѣгъ на его земли, опустошалъ и разорялъ все что ему попадалось, угонялъ скоть, рѣзалъ людей или бралъ ихъ въ плѣнъ живыми. По обычаямъ киргизскимъ всякое убійство или безчестіе должно было выкупаться *куною*, то есть цѣною за кровь убитаго или оскорбленнаго родственника. Если виновный неоплачивалъ своего преступленія, то цѣлый родъ или родственники имѣли право дѣлать набѣгъ на земли противника. Это—то называлось дѣлать баранту.

Эти раздоры происходили беспрестанно, и наносили ужасный вредъ благосостоянію Киргизовъ; болѣе всего терпѣло отъ баранты скотоводство, а въ скотоводствѣ, какъ мы увидимъ, и состоитъ главное богатство этого степнаго народа. Наконецъ Киргизы, угрожаемые извнѣ сильными сосѣдями, и разоряемые внутренними междоусобіями, рѣшились искать покровительства у Россіи, которой и предложили свое подданство. Россіи и пріятно и выгодно было даромъ пріобрѣсть огромную область съ большимъ народонаселеніемъ: она охотно согласилась принять ихъ предложеніе. Торжественное присоединеніе Киргизовъ къ Россіи совершилось въ 1738 году и съ тѣхъ поръ они считаются уже русскими подданными.—Посмотримъ на теперешнее положеніе Киргизовъ.—

Всѣ вообще Киргизы раздѣляются на два главные

разряда: на *бѣлую кость* и на *черную кость*.— Это тоже самое, что сказать по нашему: люди *Благородной* и *простой крови*; мы часто слышимъ какъ говорятъ и у насъ дома: *бѣлый* и *черный народъ*.— Къ бѣлой кости принадлежатъ одни только потомки прежнихъ хановъ, *султаны*. Подъ черною костью разумѣется весь простой черный народъ, и даже *старшины* его или по нашему *старосты*, а также всѣ начальники, которые не могутъ похвалиться прямымъ происхожденіемъ отъ хановъ. Въ прежнее время каждое киргизское поколѣніе, каждый родъ гордился своею родословною, и свято сохранялъ ее. Теперь многіе изъ прежнихъ знатныхъ родовъ или совершенно исчезли или потеряли свое значеніе. Съ другой стороны выдвинулись впередъ новые роды и поколѣнія, неимѣющіе великолѣпной родословной и вышедшіе изъ простаго народа. Но не смотря на это, до сихъ поръ еще у Киргизовъ, какъ и у многихъ кочевыхъ народовъ, различіе людей по благородству крови строго соблюдается. Такъ, напримѣръ, когда хотятъ сказать, что какой нибудь султанъ по мужской и женской линіи происходитъ прямо отъ какого нибудь хана, то обыкновенно говорятъ: «вотъ султанъ *чистой* бѣлой кости», то есть настоящаго благороднаго происхожденія. Если же мать этого султана изъ простаго народа, то говорятъ: «онъ *смѣшанной* крови.» Впрочемъ надо сказать, что и у Киргизовъ мало по малу благородство происхожденія, *чистота крови* начинаетъ терять прежнее значеніе, и уступаетъ свое мѣсто богатству, основывающемуся на многочисленности стадъ и табуновъ и на выгодной торговлѣ. Къ простому народу принадлежатъ еще такъ называемые теленгуты, прислужники преж-

нихъ хановъ и султановъ. Совершенно отдѣльный отъ настоящихъ Киргизовъ классъ людей, находящійся въ общемъ презрѣннѣ, составляютъ плѣнные.—Съ ними обращаются, какъ съ невольниками, или лучше сказать, какъ съ товаромъ или вещью. Этотъ классъ называется *куня*.

Мы видѣли, что въ прежнее время Киргизы раздѣлялись на орды, управляемыя независимыми ханами; орды распадались на поколѣнія, поколѣнія на роды; а изъ родовъ образовались отдѣленія. Но когда этотъ народъ перемѣнилъ свою дикую самостоятельность на подданство Россіи, то прекратилось и раздѣленіе на орды, а независимые ханы замѣнены особенными правителями, назначаемыми самимъ Государемъ. По этому новому устройству всю степь можно раздѣлить на двѣ главныя части. Западная половина подчинена управленію Оренбургскаго Генераль-Губернатора и называется *степью Киргизовъ оренбургскаго вѣдомства*. Въ составъ ея вошла вся прежняя малая орда, кочевавшая между рѣкою Ураломъ, Каспійскимъ и Аральскимъ морями съ одной стороны и притоками Тобола съ другой. Все пространство степи на востокъ отъ нея называется *степью Киргизовъ сибирскаго вѣдомства* и управляется Генераль-Губернаторомъ западной Сибири. Она заключаетъ въ себѣ кочевья прежней средней и большой орды. Эти орды давно уже перемѣшались между собою и прежнихъ отдѣльныхъ родовъ и поколѣній, изъ которыхъ состояли орды, почти не существуетъ, по крайней мѣрѣ поколѣнія, принадлежавшія прежде къ средней ордѣ, перемѣшались съ поколѣніями, составлявшими малую орду, и отдѣлить ихъ другъ отъ друга рѣшительно невозможно.

Мы будемъ говорить здѣсь только объ одной части Киргизовъ, западной, оренбургской. Она раздѣлена на четыре части; каждая изъ нихъ управляется своимъ особымъ начальникомъ, избираемымъ изъ природныхъ Киргизовъ, и всегда изъ бѣлой кости и утверждаемымъ Государемъ. Онъ называется *султаномъ правителемъ*. Онъ считается на службѣ, носить военный чинъ и величается всегда *ваше высокостепенство*. Султану помогаютъ въ управленіи нѣсколько важныхъ и почетныхъ людей, выбираемыхъ также изъ Киргизовъ, но уже изъ простаго народа, черной кости.

Каждая часть степи въ свою очередь раздѣляется на *дистанціи*, управляемыя дистанчными начальниками, а каждая дистанція состоитъ изъ нѣсколькихъ *ауловъ*. Ауль—это отдельный кочевой станъ или подвижная деревушка, состоящая изъ кибитокъ или юртъ, раскидываемыхъ на извѣстномъ мѣстѣ; каждая такая деревушка находится подъ управленіемъ особаго аульнаго старшины или по нашему старосты; Киргизы зовутъ его *Ак-сакала*, что значить *бѣлая борода*. Главная повинность Киргизовъ къ Россіи состоитъ въ такъ называемомъ *кибиточномъ сборѣ*, потому что онъ взыскивается съ каждой кибитки, съ каждаго кочевнаго дома—по 1 руб. 50 коп. сер. Богатое семейство, занимающее собою и прислугою своею десять кибитокъ, платитъ въ годъ пятнадцать рублей серебромъ, два-три бѣдныя семейства, занимающія вмѣстѣ одну общую кибитку, платятъ всѣ вмѣстѣ только полтора рубля. Но кибиточный сборъ платятъ не всѣ Киргизы, и правительство къ нему ни кого не принуждаетъ. Этимъ сборомъ завѣдываютъ дистанчные начальники подъ надзоромъ султана—правителя.

Въ настоящее время вся Киргизская степь составляетъ часть русской имперіи, какъ всякая губернія; а потому всякій Киргизъ, какъ русскій подданный, имѣетъ полную свободу, для собственныхъ нуждъ, для какихъ либо промысловъ или работъ, отлучаться куда ему угодно; точно также и всякій другой русскій подданный можетъ отправиться въ степь, какъ и во всякую губернію. Мало того: каждому Киргизу дозволено помѣщать своихъ дѣтей въ любое изъ учебныхъ заведеній внутри имперіи на тѣхъ же правилахъ, какъ и всякому русскому. Вотъ уже болѣе ста лѣтъ прошло съ того времени, какъ Киргизы приняли добровольное подданство Россіи; съ тѣхъ поръ они находились постоянно подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ. Надо сказать, что Киргизы всегда выказывали особенную приверженность къ Россіи, и сколько ни старались Хивинцы возбуждать ихъ противъ Россіи, имъ никогда это не удавалось. Одинъ изъ путешественниковъ, долго пробывшій въ степи и коротко знающій ее, приводитъ любопытный примѣръ того, какъ сильна въ нихъ эта приверженность. Между Киргизами восточной части степи оренбургскаго вѣдомства и сосѣдними съ ними родами Киргизовъ сибирскихъ въ старые годы была безконечная баранта. По временамъ она прекращалась, но потомъ опять возникала съ новымъ жаромъ. Много принималось мѣръ для прекращенія этихъ грабежей и разбоевъ, но все было напрасно. Наконецъ правительство рѣшилось прекратить разомъ эти беспорядки и раздѣлить владѣнія оренбургскихъ Киргизовъ отъ сибирскихъ. Провести границу было нетрудно, но за то чрезвычайно трудно было помирить двѣ враждебныя

части, изъ которыхъ каждая по народнымъ обычаямъ считала себя вправѣ насильственно, грабежемъ, присвоивать себѣ то, что считала своимъ. Чрезвычайно трудно было прекратить баранту. Здѣсь на помощь правительству пришли сами Киргизы. Желая доказать правительству свое расположеніе, они стали думать, какъ бы имъ самимъ достойно положить конецъ враждѣ и прочное начало спокойствію; у нихъ начались длинные толки и разсужденія. И вотъ между ними поднимаетъ свой голосъ почетнѣйшій изъ всѣхъ біевъ Балгаджа Ямгурчинъ. Всѣ знали, что Балгаджа самъ небогатый человекъ и человекъ строгій, правдивый, неохотникъ до смягчительныхъ мѣръ; всѣ знаютъ также, что по барантѣ онъ считаетъ на врагахъ своихъ до двухсотъ тысячъ рублей ассигнаціями и имѣетъ полное право сдѣлать набѣгъ на враждебные роды и отнять у нихъ принадлежащія ему деньги. Но Балгаджа не обратился къ барантѣ, а рѣшился на такой благородный подвигъ: онъ далъ слово забыть о прежнихъ, нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ, не вспоминать про нихъ никогда, сохранять съ прежними врагами своими миръ и согласіе, и торжественно простилъ своимъ должникамъ всѣ двѣсти тысячъ на всегда. Можно себѣ представить какое дѣйствіе произвела въ народѣ эта благородная рѣшимость всѣми уважаемаго старика! Немедленно Киргизы успѣли воспользоваться прекраснымъ примѣромъ: всѣ счеты въ восточной оренбургской степи съ сосѣдными Киргизами были на всегда прекращены.

Этотъ примѣръ можетъ служить также доказательствомъ и той переменѣ, которая произошла въ Киргизахъ. Теперь уже ихъ нельзя представлять себѣ

прежнимъ дикимъ племенемъ, грабящимъ и разоряющимъ не только сосѣднія области, но и другъ-друга. Во многихъ родахъ Киргизовъ замѣтно уже то благотворное смягченіе нравовъ и всего быта, котораго не было въ прежнихъ степныхъ кочевникахъ.

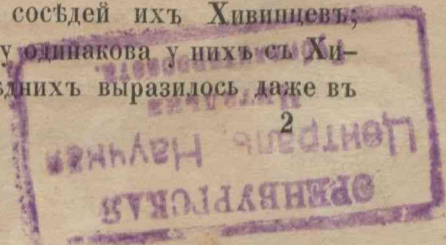
Но не всѣ киргизскіе роды одинаково развиты. Такъ въ западной части оренбургской степи прилинейные Киргизы, то есть живущіе близъ сѣверныхъ предѣловъ степи отъ близкаго сосѣдства съ русскими казацкими селеніями день ото дня все болѣе и болѣе подвергаются вліянію русской жизни и русскихъ нравовъ и постепенно русѣютъ. Киргизы сами хорошо чувствуютъ на себѣ это благодѣтельное вліяніе, и ни сколько не стараются избѣгать его. Одно только жаль, что къ казацкой линіи подкочевываютъ обыкновенно одни бѣдные Киргизы; сюда гонить ихъ одна лишь нужда, крайняя нищета и необходимость заработать насущный кусокъ хлѣба у русскихъ. Киргизъ обдѣлаетъ въ степи, потеряетъ лошадей въ барантѣ, или лишится барановъ въ непогоду: чтожь ему остается дѣлать? или нищенствовать между своей братьей или подкочевывать къ линіи, и работать на русскихъ, честнымъ образомъ наживая копейку. Богатый Киргизъ не станетъ кочевать близъ линіи изъ-за одной только земли. Богатымъ Киргизъ бываетъ тогда, когда у него много домашняго скота; скотъ этотъ надо кормить, пасти его по привольнымъ лугамъ, занимать этими пастбищами обширныя пространства, а близъ линіи почти каждый удобный клочокъ земли дорогъ; на клочкахъ этихъ, занятыхъ множествомъ бѣдняковъ, толпятся тѣсными отарами ихъ бараны и, истравляя степь, едва-едва бываютъ сыты. Богатый Киргизъ очень хо-

91/5)
0 95

рошо это понимаетъ и никогда не выходитъ изъ среднихъ полосъ степи. Здѣсь ему гораздо привольнѣе. У кого мало скота, тому нечего бояться прилинейнаго многолюдства; всякій смекаетъ, что гдѣ пасутся обширныя стада, найдется мѣстечко и для его тощихъ лошадей или барановъ, и по этому безъ боязни пускается въ странствованіе, къ которому вынуждаетъ его нищета. Надо отдать справедливость прилинейнымъ Киргизамъ въ томъ, что главная масса ихъ состоитъ изъ людей трудолюбивыхъ, дѣятельныхъ, привыкающихъ къ осѣдлости, примиряющихся съ необходимостью непрерывнаго хлѣбопашества, примиряющихся съ мыслию, что мирныя сельскія занятія именно этого рода должны навсегда смѣнить ихъ прежнія чистыя пастушескія занятія.

Но истые Киргизы занимаютъ среднія, внутреннія полосы степи. Они живутъ въ прежнемъ пастушескомъ, чисто патріархальномъ бытѣ. Главныя занятія этихъ Киргизовъ состоятъ въ барантѣ, какъ средствѣ выказать свое молодечество, въ земледѣліи, которымъ преимущественно занимаются капиталисты—богачи, и главное въ торговлѣ, посредствомъ которой они сбываютъ произведенія своего степнаго хозяйства и приобретаютъ предметы нашей промышленности. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдственными владѣніями Средней Азии они невольно подвергаются ихъ вліянію. Западные Киргизы отличаются какою-то суровостью и мрачностью характера, необщительностью, дикостью и жестокостью, составляющими принадлежность сильныхъ сосѣдей ихъ Хивинцевъ; склонность къ хищничеству одинакова у нихъ съ Хивинцами. Это вліяніе послѣднихъ выразилось даже въ

number N 9287. 22636

мелочахъ домашней жизни, въ пристрастїи къ извѣстнымъ цвѣтамъ народной одежды, въ темныхъ цвѣтахъ суконъ, ситцевъ, иногда и узорчатыхъ, но не яркихъ цвѣтовъ и болѣе полосатыхъ, чѣмъ пестрыхъ. Рядомъ съ ними восточные Киргизы представляютъ намъ совершенно другое: пестроту и яркость цвѣтовъ въ одеждѣ, щеголеватость, свѣтлый взглядъ, общительность, радушіе, веселость, миролюбіе, въжливость, услужливость и другія добрыя свойства. Здѣсь видно уже со всѣмъ другое вліяніе: эти свойства развились въ нихъ вслѣдствіе частыхъ торговыхъ сообщеній съ Бухарою, нравы которой гораздо мягче Хивы.

Но въ дальнихъ мѣстностяхъ степи между двумя морями, Каспійскимъ и Аральскимъ, Киргизы мало представляютъ намъ отраднаго. Совершенно отдѣленные отъ Россіи огромнымъ пространствомъ въ 600 слишкомъ верстъ отъ Оренбурга, эти Киргизы—настоящіе дикари, и долго придется еще ждать, пока подъ вліяніемъ особенно торговли и частыхъ сообщеній съ русскими, сгладится первобытная дикость этихъ кочевыхъ жителей. Хотя эти Киргизы находятся подъ покровительствомъ Россіи, которая защищаетъ ихъ отъ притѣсненій сосѣднихъ племенъ, но они не связаны съ нею никакими повинностями и не вносятъ въ казну никакихъ податей. Самое отдаленное и дикое поколѣніе Киргизовъ составляютъ *Адаевцы*, то есть Киргизы, принадлежащіе къ роду Адаи; это—самый многочисленный родъ, простирающійся до 20,000 кибитокъ. Адаевцы кочуютъ на Усть-Уртѣ и по берегамъ Каспійскаго моря, а на зиму перебираются иногда и на ближайшія острова его. Они совершенно дики и чрезвычайно безпокойны. Вся эта югозападная часть степи—

настоящій притонъ дикихъ Киргизовъ; всѣ же остальные роды Киргизовъ наслаждаются невозмутимымъ спокойствіемъ.

Но болѣе всего дѣйствуетъ на смягченіе нравовъ Киргизовъ торговля, которую ведетъ Россія черезъ степь съ тремя владѣніями средней Азіи: съ Бухарою, съ Коканомъ и Хивою, и съ самими Киргизами. Мы посылаемъ въ Среднюю Азію такіе товары, которые, необходимы въ цѣломъ Туранѣ. Именно отъ насъ идутъ туда: золото, серебро, мѣдь и другіе металлы, и металлическія издѣлія, а также кожи, сукна, ситцы, всякія бумажныя и шелковыя издѣлія и другіе товары. Изъ Бухары же, какъ главнаго рынка Средней Азіи, мы получаемъ только хлопчатую бумагу, шелкъ, марену, разнообразныя плоды, изюмъ (кишмишъ) и произведенія скотоводства и звѣроловства. Эта торговля производится въ степи всегда на верблюдахъ и называется *караванною*. Караваны изъ Бухары въ Россію идутъ или на Оренбургъ или на Троицкъ, иногда же очень рѣдко на Петропавловскъ. Киргизы принимаютъ въ этой торговлѣ самое дѣятельное участіе своими верблюдами. Они поневолю побываютъ и въ русскихъ городахъ и въ Туранѣ, многое видятъ такое, чего не приходится видѣть ихъ единоплеменникамъ, никогда не выходящимъ изъ степи; сталкиваясь и съ русскими и съ бухарскими купцами, посмотрѣвъ на жизнь многочисленныхъ городовъ, они поневолю перенимаютъ новыя обычаи и привычки и теряютъ свою суровость. Отъ того-то эти Киргизы, живущіе на караванной дорогѣ и принимающіе живое участіе въ торговлѣ, всегда мягче и добрѣе тѣхъ собратьевъ своихъ, которые никогда не расстаются съ своими кибитками. Посмот-

римъ теперь какъ производится въ степи эта караванная торговля.—Когда наступаетъ время отправленія товаровъ въ Бухару, купцы начинаютъ запасаться верблюдами. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ собственныхъ верблюдовъ, и приискиваютъ для себя только работниковъ и вожаковъ. Но торговцы не имѣющіе своихъ верблюдовъ, какъ напримѣръ, всѣ пріѣзжіе Бухарцы и нѣкоторые изъ нашихъ купцовъ, входятъ для этого въ сношенія съ *киргизскимъ караванъ-баши*. Это — какой нибудь богатый Киргизъ, владѣющій большими стадами верблюдовъ или подрядчикъ извозчиковъ. Такой подрядчикъ верблюдовъ, какъ всякій кочевникъ, проводитъ свою жизнь обыкновенно въ степи, перекочевывая съ своимъ родомъ почти каждые десять дней съ мѣста на мѣсто, и раскидывая на привольныхъ для скота мѣстахъ свой подвижной шатѣръ. Ко времени отправленія каравана онъ пріѣзжаетъ въ городъ, въ сосѣдствѣ котораго кочуетъ, обыкновенно въ Оренбургъ, въ Троицкъ или въ Орскую крѣпость. Здѣсь сводитъ онъ знакомство съ торговцами, предлагаетъ имъ свои услуги, уговаривается въ числѣ нужныхъ верблюдовъ и работниковъ и въ платѣ. Окончивъ сдѣлку, караванъ-баши отправляется въ степь самъ или посылаетъ туда своихъ знакомцевъ, подбираетъ вѣрныхъ Киргизовъ—извозчиковъ и всегда изъ извѣстныхъ родовъ, потому что не всѣ роды занимаютъ извозомъ. Къ назначенному сроку Киргизы—извозчики собираются съ своими верблюдами въ условленное мѣсто; иной приводитъ съ собою одного верблюда, иной двухъ, трехъ, иной пять, десять и больше, сколько кто можетъ. Иногда болѣе зажиточные люди, приводя большое число верблюдовъ, сами не

отправляются съ караваномъ, а поручаютъ своихъ животныхъ другимъ Киргизамъ—работникамъ. Такъ всѣ пригнанные верблюды, двугорбые и одnogорбые навьючиваются товарами: на каждого накладывается, на сильнаго иногда до 20, на обыкновеннаго до 16 пудъ. Наконецъ снаряженный караванъ трогается въ путь и мѣрнымъ, тихимъ шагомъ другъ за другомъ выступаютъ верблюды, длиною вереницею растягиваясь по степи. Караваны во время пути своего по степи въ настоящее время не имѣютъ нужды въ особой охранѣ; но прежде она была необходима, потому что хищническія нападенія безпокойныхъ Киргизовъ на караваны были дѣломъ весьма обыкновеннымъ;— а потому кромѣ извожиковъ караванъ сопровождали всегда вооруженные Киргизы, по два или по три десятка на каждую сотню верблюдовъ. Они обыкновенно вооружались длинными, несравненно длиннѣе казачьихъ пикъ, копьями, которыми хотя и ловко владѣли, но которыя чрезвычайно легко вышибить изъ рукъ наѣздника. Кромѣ копій Киргизы вооружались саблями, а часто и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Всѣ эти вооруженія были въ то время необходимы, потому что караванъ и въ то время также, какъ и теперь, не иначе шель, какъ длиною растянутою линіею, рядами или колонною такъ, что хвостъ каравана отстоялъ отъ передовыхъ верблюдовъ часто на десять, на двадцать и болѣе верстъ. Шайкѣ удалыхъ наѣздниковъ не стоило большаго труда разбить и ограбить не защищенный караванъ и тотчасъ же скрыться отъ преслѣдованія. Стычки съ хищниками были дѣломъ обыкновеннымъ, и побѣду одерживала всегда не та сторона, которая была сильнѣе, но которая была хладнокровнѣе и дѣй-

ствовала хитрѣе. Такъ, напримѣръ, случилось, что самоварная труба русскаго купца наводила страхъ и трепеть на хищниковъ и они бросались въ бѣгство отъ ужаса, принимая ее за страшную пушку. Теперь времена перемѣнились, и торговцы съ навьюченными верблюдами, безопасно проходятъ степь безъ всякихъ непріятностей, и не боятся ни какихъ грабежей. Такъ тихо и спокойно стало въ этой степи.

Нашъ путешественникъ безъ всякой охраны разбѣжалъ вездѣ по степи совершенно свободно. Вотъ что рассказываетъ онъ про себя: Киргизы всюду встрѣчали меня съ примѣрнымъ радушіемъ и гостеприимствомъ. Они видимо были рады пріѣзду русскаго и освѣдомлялись только, что я за человѣкъ такой: *шинвикъ* или *купся* (то есть чиновникъ или купецъ)? Получивъ въ отвѣтъ, что я просто гость, и ѣду гулять къ султану правителю, добрые новые знакомцы зазывали меня къ себѣ, хлопотали, суетились, и не знали чѣмъ высказать свою пріязнь и дружбу. Одинъ предлагалъ кумысу, другой не пускалъ не напоивъ чаемъ, третій торопился зарѣзать барана на угощеніе, четвертый подчивалъ разными сластями; всѣ жали руку, обнимались, говорили цвѣтистые комплименты и до такой степени старались быть внимательными и услужливыми, что подъ мой тарантасъ общались запречь не одну тройку лошадей, а *девятью девять разъ девять троекъ*. При такомъ мирномъ расположеніи жителей степи теперь уже нѣтъ никакой надобности охранять караванъ вооруженными людьми; нужна только прислуга для ухода за верблюдами, человѣкъ двадцать, тридцать, а иногда по числу верблюдовъ и пятьдесятъ человѣкъ; если они и вооружаются копьями или

саблями, то больше для удовольствія или чтобы сообщить каравану воинственный видъ.

Верблюдъ—драгоценное животное въ степи. Ни лошадь, ни какое другое животное не можетъ перенести того, что переноситъ здѣсь верблюдъ. Лошадь все таки избалованное животное, требуетъ ухода, а если и можетъ обойтись безъ овса, то всегда нуждается въ чистой и вкусной водѣ, въ сочной травѣ; она не станетъ ни пить дурной воды, ни жевать негодной травы, покрывающей степь. А гдѣ прикажете взять и ту и другую, когда каравану приходится на длинныхъ переходахъ иногда нѣсколько дней сряду тянуться по бѣдной и бесплодной степи, на которой только и растутъ ковыль, или горькая полынь, или осока и другія противныя для лошади травы; откуда взять чистую воду, когда и горькая вода—рѣдкость въ степи. Совсѣмъ другое дѣло верблюдъ. Верблюдъ переносчивъ: онъ пьетъ и горькую, и застоялую, и перепорченную воду; онъ можетъ день, два, три дня пробыть безъ поила, и также усердно несетъ свою ношу, какъ будто никогда не былъ знакомъ съ водой. Обыкновенно же верблюда поить водой лѣтомъ одинъ разъ въ сутки, а осенью и зимой одинъ разъ въ продолженіе двухъ и трехъ сутокъ, если нѣтъ хорошаго водопоя. За лошадью много ухода. И безъ того ужъ усталому работнику надо тратить силы, чтобъ ее распречь или развьючить, потомъ ее нужно выводить, потомъ напоить, стреножить, цѣлую ночь пасти, глядѣть за нею съ осторожностью, чтобъ она не заблудилась, не отошла далеко, не примкнула бы къ чужому табуну; на утро ее надо снова напоить и снова, при большихъ трудахъ, навьючить, когда работнику нужно высоко

надъ собою, на рукахъ, поднимать тяжелые вьюки, чтобъ взвалить ихъ ей на спину; потомъ должно искусно закрутить ношу веревками и заботливо наблюдать за вьюкомъ въ продолженіе цѣлой дороги.

Съ верблюдомъ хлопотъ меньше. Съ окончаніемъ перехода, нужно только потянуть верблюда за веревку, привязанную къ кольщику, продѣтую у животнаго сквозь ноздри, и верблюдъ становится на колѣни; работникъ безъ труда сбрасываетъ съ него тюки, и пускаетъ верблюда на волю. Ни треножить, ни пасти верблюда не нужно: онъ самъ найдетъ себѣ пищу, самъ себя упасетъ, и не отойдетъ далеко отъ стоянки. Верблюдъ скоро наѣдается, и потомъ всю ночь лежитъ, не вставая съ мѣста; только не многіе какъ исключенія изъ общаго правила, или бродятъ ночью по близости лагеря, или стоятъ на одномъ мѣстѣ, не сгибая колѣнъ. Къ утру верблюдъ по слову *чокъ* опять падетъ на колѣни; Киргизъ безъ чувствительной траты силъ и безъ особенныхъ хлопотъ, наложитъ ему ношу и кое какъ перепутаетъ ее веревками, не опасаясь, что онѣ развяжутся въ дорогѣ отъ движенія животнаго, и что чужой товаръ можетъ свалиться съ горбатаго корабля пустыни. Только зимою съ верблюдомъ не много больше хлопотъ, именно потому, что онъ никогда ни на снѣгъ, ни на мерзлую землю не ложится. Для этого нужно сгрести съ назначеннаго для ночлега верблюдамъ мѣста снѣгъ, и вскопать промерзлую землю особннымъ орудіемъ, называемымъ—*кентбиль*; это родъ круглаго топора и вмѣстѣ заступа, надѣятаго на длинноватую палку въ нарочно для того сдѣланное отверстіе. Мѣсто для ночлега верблюдовъ выбирается такое, которое бы отовсюду защищено было отъ не-

погоды, напримѣръ логъ или увалы между холмовъ или заросшее кустарникомъ пространство. Ежели поблизости оттуда растетъ камышь, то сгребають снѣгъ, а землю не вскапываютъ, но только покрываютъ ее камышомъ. Въ такомъ пріютѣ верблюды цѣлаго каравана ложатся рядомъ, всѣ вмѣстѣ. Но еслибъ случилось, что на притонѣ нѣтъ удобнаго мѣста для укрытія животныхъ, то верблюдовъ на ночь окружають высокою стѣною или оградю, сложенною изъ товарныхъ тюковъ.)

На этомъ то животномъ, прозванномъ *кораблемъ пустыни*, и совершается въ степи караванная торговля. Цѣлый караванъ идетъ обыкновенно подъ предводительствомъ одного или нѣсколькихъ опытныхъ, хорошо знающихъ дорогу Киргизовъ. Удивительно, какъ хорошо знаютъ Киргизы свою необозримую, однообразную степь! Для Киргиза, который родился въ степи, весь свой вѣкъ провелъ въ ней и совершенно съ нею сроднился, степь представляется знакомымъ городомъ, въ которомъ всѣ улицы и всѣ закоулки по привычкѣ ему уже совершенно извѣстны. Степь для него родной домъ, въ которомъ онъ при дневномъ свѣтѣ и въ потемкахъ знаетъ всѣ переходы и выходы. Каждое живое урочище, каждое ничтожное возвышеніе, каждый кустикъ, всѣ изгибы рѣчекъ, небольшое озеро, едва примѣтная лощина, пески, лужокъ — все это извѣстно Киргизу на перечетъ, вездѣ распоряжается онъ, какъ въ своей комнатѣ, все служитъ для него верстовымъ столбомъ, все служитъ ясною, хотя для него одного понятною примѣтой. Кромѣ того Киргизъ обладаетъ чудесною способностью въ одно мгновеніе сообразить направленіе, длинноту тѣни, положеніе соли-

ца и луны и безъ дальнихъ размышленій въ тотъ же мигъ указать, какой стороны слѣдуетъ держаться. Эта врожденная въ Киргизѣ способность развивается въ немъ вслѣдствіе привычки и короткаго знакомства со степью съ издѣтства. Но надо сказать также, что эта способность принадлежитъ не однимъ Киргизамъ, а каждому степному жителю. Калмыкъ, Башкирецъ, даже русскій Казакъ, особенно Уралецъ, также хорошо, какъ и степной Киргизъ, могутъ пріобрѣсти эту способность; они всѣ одинаково славились ею въ старые годы; но тамъ гдѣ русскому Казаку нужно побывать три-четыре раза, чтобы ознакомиться со степью, Киргизу довольно побывать только однажды.

III.

Перекочевывая съ мѣста на мѣсто съ своими стадами Киргизы, не знаютъ другаго жилища, какъ *кибитки*. Это—круглая со всѣхъ сторонъ палатка, состоящая изъ деревянныхъ рѣшетокъ, покрытыхъ войлоками; вверху надъ самую середину ея продѣлано небольшое круглое отверстіе, которое смотря по надобности открывается и опять закрывается; черезъ него проникаетъ свѣтъ и выходитъ дымъ, когда разводять огонь въ кибиткѣ. Вышина такихъ палатокъ простирается отъ четырехъ до восьми аршинъ, а ширина отъ восьми до пятнадцати и болѣе. Вся кибитка утверждена на вбитыхъ въ землю кольяхъ, къ которымъ волосяными веревками привязываются решетчатая стѣны; двери въ нее бывають деревянныя, рѣзныя, съ разными украшеніями и вставленными въ нихъ разноцвѣтными косточками, а иногда вмѣсто дверей развѣшивается простой войлокъ. Тесьмы, служащія для связыванія и поддержанія рѣшетокъ, обыкновенно шерстяныя; у богачей бывають шелковыя. Внутренніе бока на лѣто покрываются занавѣсами, сплетенными изъ соломы и разноцвѣтныхъ нитокъ. Во время силь-

ныхъ жаровъ, когда нижніе войлоки поднимаются, эти занавѣсы защищаютъ отъ солнца и, пропуская свѣжій воздухъ, предохраняютъ внутренность кибитки отъ пыли и сора. Вотъ описаніе кибитки одного султана западной степи Мухамеда, сдѣланное русскимъ путешественникомъ г. Небольсинымъ, о которомъ такъ часто приходится говорить намъ. На высотѣ около одного аршина рѣшетка кибитки со внутренней стороны выложена была вся кругомъ легкой цыновкой, составленной изъ рисовой соломы такимъ образомъ, что каждая соломенка круто обмотана была разноцвѣтнымъ не сученымъ шелкомъ, а всѣ онѣ вмѣстѣ представляли какъ бы узорчатый коверъ, состоящій изъ разноцвѣтныхъ тридцати двухъ стороннихъ клѣтокъ, внутри которыхъ были другія, меньшія клѣтки, а въ самой серединѣ ихъ звѣздочки или букеты цвѣтовъ. Эти дорогія цыновки служили въ кибиткѣ тѣмъ же, чѣмъ для насъ служатъ цвѣтныя и живописныя стеклянныя ширмочки на окнахъ: они мѣшали любопытнымъ видѣть снаружи что внутри кибитки происходитъ. Такія цыновки дѣлаются и во всю высоту кибиточной рѣшетки. Верхъ кибитки выложенъ бѣлыми, какъ снѣгъ, войлоками и обвязанъ широкими, верхка въ три-четыре, шерстяными красными тесмами, на которыхъ рядами вышиты были разноцвѣтные треугольники. Двери были двойныя. Первою дверью служитъ чистый, бѣлый кошемный пологъ, вышитый шерстями и шелкомъ; подъ войлочную дверь блестяли другія, деревянныя, створчатыя двери, выкрашенныя красною краскою и раззолоченныя. Когда въ кибиткѣ холодно, то запираютъ и эти двери и опускаютъ кошемный пологъ; если въ ней душно, то и двери

растворяютъ и пологъ вскидываютъ кверху; но если солнышко свѣтитъ прямо въ двери, а между тѣмъ въ кибиткѣ жарко, то деревянныя двери оставляютъ открытыми внутрь, а опускаютъ одинъ пологъ. Припертыя двери и поднятый пологъ означаютъ, что хозяинъ дома, а если двери заперты и пологъ опущенъ, то это означаетъ, что хозяинъ или спитъ или его нѣтъ дома.

Внутренность кибитки иногда обивается или собственно обѣшивается красными и другихъ яркихъ цвѣтовъ сукнами, вышитыми въ узоръ. Полъ щедро выкладывается большими коврами. Такая кибитка бываетъ очень дорога, и смотря по цѣнности украшеній можетъ стоить до трехъ тысячъ рублей серебромъ и даже гораздо дороже; а надо замѣтить, что богатые люди не могутъ довольствоваться одною кибиткой: они ихъ держатъ десятками. Одна кибитка назначается для спальни, другая для кабинета, третья для гостиной, четвертая для одной жены, пятая для другой, шестая для матери, седьмая для дѣтей, двѣ-три для ближайшей прислуги, одна для кухни, двѣ-три отдаются гостямъ и такъ далѣе.

Въ кибиткѣ Султана Мухамеда, прямо противъ входа поставлено было сидѣнье, составленное изъ двухъ преобладающихъ шелковыхъ подушекъ, наложенныхъ на низенькую деревянную подставку. Вправо отъ этого сидѣнья стояло широкое низенькое ложе съ шелковымъ пуховикомъ, съ бѣлымъ бумажнымъ одеяломъ, которое превосходно было вышито отъ руки разными шелками, и съ богатыми штофными подушками. Ложе было прикрыто чѣмъ-то въ родѣ балдахина, бѣлымъ коленкоровымъ навѣсомъ, вершина котораго представляла собою наклоненную плоскость; все это

убрано легкою гарусною пунцовою бахрамой. Въ погахъ разбросаны дорогіе халаты; по полу разосланы богатые ковры и полсти. Между кроватью и дверью развѣшено щегольское оружіе, двуствольныя ружья, драгоценныя кинжалы, сабли, уздечки, нагайки, сѣдла и разныя принадлежности вооруженія и конской сбруи. Вѣвѣ отъ сидѣнья въ два и три ряда разставлены блестящія отъ лоска, отъ масляной краски и отъ латунныхъ, стальныхъ и серебряныхъ украшеній и окоекъ, сундуки разныхъ размѣровъ; они всѣ кругомъ были обложены войлоками, но такимъ образомъ, что лицевая сторона оставалась не закрытою. Такого степнаго великолѣпія говорить нашъ путешественникъ мнѣ ни прежде, ни послѣ не доводилось видѣть.

Около такой-то ставки главнаго султана, раскинутой на довольно обширномъ пространствѣ, располагаются съ своими стадами простые Киргизы, его подданные въ своихъ не затѣливыхъ кибиткахъ, покрытыхъ уже не бѣлыми, а сѣрыми войлоками, а иногда, у самыхъ бѣдныхъ, просто рогожами, дерномъ и камышомъ.

Съ необыкновенною легкостью разбираютъ Киргизы такую кибитку и въ какія нибудь полъ-часа уже складываютъ ее на верблюда и перевозятъ на другое мѣсто, гдѣ находятъ для своего скота болѣе широкое приволье. Такія перекочевки съ мѣста на мѣсто нисколько не кажутся имъ тяжелыми или неудобными, на противъ они находятъ въ нихъ какое-то удовольствіе.

Но не думайте, что Киргизы, какъ и вообще всѣ кочевники, бродятъ по степи безъ всякаго порядка, безъ всякаго толку, что нынѣ они здѣсь, и сами не знаютъ, куда судьба заведетъ ихъ завтра. Совсѣмъ

нѣтъ! Что можетъ быть для человѣка драгоцѣннѣе, какъ не земля, на которой онъ живетъ, и безъ которой онъ существовать не можетъ. Положимъ, что кочевники—полудикари или почти что дикари, но неужели это значить, что они вовсе не дорожатъ землею, на которой пасутся ихъ стада и отъ щедрости которой зависятъ все благосостояніе ихъ? Посмотримъ же, какъ совершаются эти перекочевки. Начнемъ съ зимы. Зимой наши кочевники по большей части *сидятъ* на одномъ мѣстѣ: они разставляютъ кибитку и обносятъ ее хорошимъ загономъ, который въ одно время и защищаетъ стадо, и предохраняетъ уютное жилище кочевника отъ бурь и непогодъ зимою. Мелкій скотъ бережется около кибитки, ѣсть заблаговременно заготовленное для него сѣно или пасется тутъ же вблизи, на подножномъ корму, что по просту называется *тебенетъ*. Но тебенѣвка эта для рогатаго скота и для барановъ бываетъ только въ продолженіе дня: на ночь скотъ собирается въ загоны. Однѣ лошади тебенѣютъ день и ночь на отгонныхъ поляхъ, болѣе или менѣе въ дальнемъ разстояніи отъ кибитокъ кочевниковъ. Но если земля такъ тучна и пастбища такъ богаты, что ни сѣна запасать не надо, ни гололедицы опасаться нельзя, и если корму весьма и весьма для скота достаточно, въ такомъ случаѣ и кочевники зимой *не сидятъ* на одномъ мѣстѣ, а кочуютъ.

Весной, когда сойдетъ снѣгъ, когда только что проглянетъ молоденькая травка, кочевники *снимаются* и трогаются съ мѣста. И какъ быстро совершаются эти передвиженія. Когда приходитъ время сниматься лагеремъ, въ одно мгновеніе ставка пустѣетъ: одни выючатъ пожитки на верблюдовъ, другіе снимаютъ

войлоки съ кибитокъ, раскладываютъ и складываютъ кибиточныя рѣшетки; не успѣешь оглянуться, а вся мѣстность, незадолго шумная и людная, уже совсѣмъ очищена. Верблюды потянулись уже (а гдѣ перевелись верблюды, тамъ складываютъ весь домашній скарбъ на воловъ или лошадей) длинными караванами по одному направленію. Далеко на горизонтѣ виднѣются козы, а за ними стада барановъ, врозь отъ нихъ гонять воловъ и коровъ; лошади особо пасутся отдѣльными табунами. Сами Киргизы ѣдутъ семействами, отдѣльными кучками, каждый съ своимъ караваномъ или съ своимъ стадомъ. Но не долго длится это движеніе: проходитъ не болѣе трехъ четвертей часа или много цѣлаго часа, какъ весь караванъ останавливается. Киргизы уже на новой кочевкѣ. Здѣсь начинается новое движеніе, новая работа. Въ ту же минуту мушны, признавшіе новое мѣсто удобнымъ для ставки, — если на немъ довольно кормовыхъ травъ и колодцевъ съ запасами воды, — принимаются за свое дѣло, и распредѣляютъ скоть на пастбища: табунамъ лошадей отводится одно мѣсто, барановъ ведутъ въ другое, а если рогатаго скота много, то и его отгоняютъ на отдѣльный лугъ.

Пока совершаются эти распоряженія, женщины разбиваютъ кибитки, раставляютъ въ нихъ домашній свой скарбъ, и готовятъ мужьямъ пищу, хлопочуть по хозяйству, доятъ кобылицъ, коровъ и овецъ, для которыхъ мужья подчищаютъ колодцы и наполняютъ водою водопойныя корыта. Въ остальное время занимаются другими частями кочеваго хозяйства, шьютъ платья, чинятъ кибитки, готовятъ обувь, валяютъ войлоки, заготовляютъ на прокъ разные запасы.

Черезъ недѣлю, иногда больше, а иногда меньше времени, когда скотъ вытравить и уничтожить всю траву въ окрестности, ауль опять снимается съ одного урочища и переходитъ на другое и опять верстахъ въ пяти, въ семи дальше или ближе отъ перваго. Итакъ проводятъ кочевники дни за днями, недѣли за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами.

Къ исходу лѣта они достигаютъ крайней оконечности того пути, которому постоянно слѣдуютъ изъ года въ годъ, и въ августѣ, а иногда въ началѣ сентября обращаются назадъ, почти всегда по тому же самому направленію, какому слѣдовали и прежде, иногда по другому, причемъ описываютъ уже новую дугу. Но если они и останавливаются при тѣхъ же колодцахъ, изъ которыхъ въ первый путь поили свой скотъ, то пастбища выбираютъ ему уже не на прежнихъ клочкахъ земли, гдѣ выбитая мѣстность уже бѣдна кормовыми травами, а на новыхъ еще не тронутыхъ урочищахъ. Такимъ образомъ къ концу осени всѣ кочевники достигаютъ постоянныхъ своихъ зимовокъ, куда доставляютъ и запасы сѣна, исподоволь заготовленнаго во время перваго перехода.

Слѣдовательно каждый родъ имѣетъ свои постоянныя кочевья, и на обыкновенныхъ привалахъ одного рода другой уже не останавливается, а только переkreшиваетъ ихъ въ различныхъ направленіяхъ во время своихъ переходовъ.

Лѣтомъ кочевая жизнь имѣетъ много пріятностей; но зимою она ужасна. Тогда занесенные со всѣхъ сторонъ снѣжными сугробами и дрожащіе отъ несноснаго холода жители киргизскихъ степей почти не выходятъ изъ своихъ кибитокъ, но сидя безпрестанно

у огня въ одно и тоже время страдаютъ съ одной стороны отъ жара, а съ другой отъ мороза. Между тѣмъ вѣтеръ черезъ верхнее отверстіе и двери наноситъ къ нимъ охлопья снѣгу и иногда, превращаясь въ сильную бурю, опрокидываетъ войлочное жилище со всѣми въ немъ укрывающимися. Между тѣмъ нагія дѣти выползаютъ изъ подъ войлоковъ или овчинъ, которыми они обыкновенно бываютъ накрыты и садясь на горящую золу, обжигаютъ себѣ руки или ноги; вопли ихъ раздираютъ слухъ. Въ защиту отъ всѣхъ бѣдствій и неприятностей зимы Киргизы стараются проводить ее въ лѣсахъ, камышахъ, между буграми или въ пескахъ южной стени. Терпя много отъ морозовъ и зимнихъ мятелей или бурановъ, Киргизы всегда съ восхищеніемъ встрѣчаютъ весну. Большую часть лѣтнихъ дней просыпаютъ въ юртѣ или пьютъ свои напитки, особенно кумысъ, почти не употребляя мяса; а по ночамъ собираются вмѣстѣ, пируютъ, рассказываютъ другъ другу сказки или слушаютъ музыкантовъ, играющихъ на своихъ незатѣйливыхъ инструментахъ: *чибызъ* и *кобызъ* или *балалайкъ*.

Самое лучшее для Киргизовъ время года—осень. Тогда совершаютъ они свои отдаленнѣйшія путешествія, устраиваютъ свои празднества и, пользуясь темными безлунными ночами, подъ предводительствомъ какого нибудь смѣльчака производятъ свои баранты. Собираясь на баранту, Киргизы надѣваютъ самое изношенное платье и кромѣ сабель и пикъ вооружаются длинными, съ одного конца толстыми палками, называемыми у нихъ *батыками*. Эти батыки составляютъ обыкновенное оружіе *барантачевъ*, и надо сказать, что они владѣютъ ими чрезвычайно ловко; длина ихъ

отъ 3 до 4 аршинъ. Если барантамъ случится днемъ встрѣтить отрядъ Киргизовъ менѣе ихъ числомъ, то они тотчасъ бросаются на нихъ съ страшнымъ крикомъ и гиканіемъ, и скачутъ кругомъ ихъ, махая своими палками надъ головами. Если настигнутые такимъ образомъ Киргизы, не смотря на угрозы, не слѣзаютъ съ своихъ лошадей, то баранчи начинаютъ бить ихъ своими батыками до тѣхъ поръ, пока не заставятъ ихъ слѣзть. Нападающіе стараются обыкновенно наносить удары въ ногу или въ затылокъ, и если ловко попадетъ такой ударъ, то трудно удержаться на сѣдлѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ баранчи забираютъ лошадей и платье, если оно стоитъ этого, а ограбленныхъ отпускаютъ въ однихъ рубахахъ. Но баранчи и сами бывають побѣждены и должны терпѣть такую же участь. Впрочемъ такіе случаи бывають рѣдки, потому что въ крайней опасности баранчи успѣвають ускакать на своихъ лошадяхъ, которыя для баранты выбираются нарочно самыя быстрыя.

Для такого предпріятія баранчи выбираютъ темную осеннюю ночь, когда въ табунахъ лошади легко пугаются. Подѣхавъ къ какому нибудь табуну, они въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него останавливаются, чтобы разузнать, спятъ ли пастухи. Тогда одинъ изъ смѣльчаковъ слѣзаетъ съ лошади, и съ противоположной стороны на четверенькахъ подкрадывается къ табуну. Малѣйшій шорохъ, который онъ производитъ, хоть напримѣръ ударяя одною палочкою о другую, такъ сильно пугаетъ лошадей, что они вскакивають и бросаются отъ него въ другую сторону прямо на воровъ; а эти тотчасъ отражаютъ ихъ своими батыками. Послѣ этого лошади приходятъ еще въ большій

страхъ, и барантаци могутъ угнать ихъ куда только захотятъ. Все это происходитъ чрезвычайно тихо: слышенъ только лошадиный топотъ. Если пастухи вздумаютъ погнаться за разбойниками, то эти послѣдніе поднимаютъ страшный крикъ, гамъ и испуганныя лошади несутся передъ ними еще быстрее.

Главное и почти единственное богатство Киргиза составляетъ скотоводство. Съ нимъ связана вся жизнь кочевника, и отъ него она зависитъ: Киргизъ живетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ пока есть кормъ его скоту; нѣтъ корму,—онъ тотчасъ, въ одно мгновеніе снимаетъ свой подвижной шатеръ, и перекочевываетъ туда, гдѣ надѣется найти болѣе приволья своей скотинѣ.

Для своихъ кочевокъ избираютъ Киргизы такія мѣста, которыя представляютъ удобныя пажити; Киргизъ прежде всего—пастухъ. Пастбища у Киргизовъ бываютъ двоякія: одни лѣтнія, другія зимнія. Ничѣмъ не закрытая, ровная и тучная пажить очень хороша для скота лѣтомъ; но зимою для него, особенно для овецъ нужны частые холмы, которые могли бы защищать скотъ отъ бурей и вѣтровъ; пески, вбирающіе въ себя воду и потому скорѣе обнажающіеся отъ снѣга, камыши и кустарники, служатъ пищею верблюдамъ. По этому—то все Киргизскіе роды имѣютъ свои лѣтнія и зимнія кочевки, и послѣднія всегда южнѣ первыхъ, въ мѣстахъ болѣе теплыхъ.

Ни въ одной странѣ нѣтъ такихъ огромныхъ стадъ овецъ, какъ въ киргизской степи. Киргизскія овцы пользуются особенною извѣстностью у насъ въ Россіи и извѣстны подъ именемъ *курдюковъ*; курдюкъ — это широкій напоянный жиромъ хвостъ, составляющій главное отличіе киргизскихъ барановъ отъ дру-

гихъ извѣстныхъ у насъ породъ. Эти бараны—курдюки такъ крѣпки, сильны и высоки ростомъ, что десяти и двѣнадцати—лѣтнія дѣти могутъ для забавы ѣздить на нихъ верхомъ. Цвѣтъ ихъ обыкновенно темнорыжій, шерсть длинная, растеть клочками и до того груба, что не можетъ быть употреблена даже на самое толстое сукно. Съ удивительною крѣпостью они переносятъ непогоды, голодъ и жажду. Хотя зимою и бѣвають они очень худы отъ недостатка кормовъ; но за то весною очень скоро поправляются, и тучнѣють на соляной травѣ.

Съ этихъ курдюковъ Киргизы получаютъ большія выгоды: они питаются ихъ мясомъ, согрѣваются въ холода выдѣланными изъ ихъ кожи тулупами, покрываютъ войлокомъ свои сквозныя кибитки, лакомятся ихъ молокомъ, и наконецъ пользуются ихъ жиромъ. Вотъ сколько добра съ одного курдюка! Овцы въ степи такой обыкновенный и вмѣстѣ важный предметъ, что Киргизы давно уже стали употреблять ихъ вмѣсто денегъ для опредѣленія цѣны товара. Мы говоримъ: такая-то вещь стоитъ столько-то рублей, а Киргизы говорятъ, что эта вещь стоитъ барана или нѣсколькихъ барановъ. Жаль, что мы не можемъ опредѣлить, сколько миллионовъ овецъ находится во всей степи. Извѣстно только то, что рѣдкій изъ богачей знаетъ число ихъ въ своихъ стадахъ: нѣкоторые изъ нихъ содержатъ до двадцати, тридцати тысячъ головъ и даже болѣе.

Не менѣе важенъ для Киргиза другое животное—верблюдъ. Безъ верблюда въ степи Киргизъ не могъ бы существовать точно также какъ въ сѣверныхъ тундрахъ безъ оленя—самоѣдъ. Мы видѣли какую важность имѣеть для Киргиза это любопытное животное

во время его перекочевок и въ караванной торговлѣ: здѣсь же мы скажемъ только, какъ Киргизы воспитываютъ верблюда, и готовятъ его къ будущимъ трудамъ. Когда верблюдъ родится, новорожденнаго тотчасъ же обшиваютъ *кошмами*, (войлокомъ) то есть на глухо увязываютъ ему ими все туловище. Голова и шея остаются открытыми. Подъ попонами сохраняютъ зимой даже взрослыхъ и старыхъ верблюдовъ. Въ продолженіе перваго мѣсяца новорожденнаго верблюжонка, по Киргизски *бата*, никому изъ постороннихъ не показываютъ, изъ боязни, чтобъ чужой человекъ не взглянулъ и не испортилъ его. Молодой верблюжонокъ не въ силахъ еще самъ собою держаться на длинныхъ слабенькихъ и тоненькихъ ножкахъ. Въ теченіе первыхъ пяти—шести недѣль на рукахъ подносятъ его къ матери для принятія молока. А когда онъ, къ лѣту, подрастетъ и поднимется на ноги, его выпускаютъ на волю вмѣстѣ съ матерью, которая не перестаетъ его кормить по прежнему молокомъ. Кормленіе это тянется по крайней мѣрѣ цѣлый годъ. По истеченіи этого срока верблюдица продолжаетъ иногда еще годъ, а иногда и два года кормить своего дѣтеныша, но уже не такъ постоянно, какъ прежде, а только по временамъ. Черезъ два—три мѣсяца послѣ рожденія, съ верблюда на лѣто снимаютъ кошмы. Пасясь по степи онъ приучается тутъ подщипывать травку; но главную пищу въ продолженіе перваго года возраста составляетъ для него все таки молоко матери. Въ это же время ему прокалываютъ ноздри, и продѣваютъ въ нихъ гладко обточенную кость или палочку, къ которой привязывается веревочка—обыкновенный поводокъ верблюда. Съ этого же возраста верблюжон-

ка приучаютъ къ слову *чокъ*, по которому верблюдъ долженъ ложиться, поджимать ноги и послушно принимать на спину ношу; по этой же командѣ онъ и встаетъ на ноги, когда съ него снимаютъ вьюки. На зиму верблюжонка опять обшиваютъ кошмами, и помѣщаютъ вмѣстѣ съ матерью въ теплое, со всѣхъ сторонъ защищенное отъ непогоды, вѣтра или снѣга стойло. Съ наступленіемъ весны годовалый верблюжонокъ выпускается на траву, и съ этого времени онъ уже постоянно самъ кормится подножнымъ кормомъ или сѣномъ, если за неимѣніемъ хорошихъ луговъ Киргизы запасаются имъ заранее. Весною верблюдъ обыкновенно линяетъ, шерсть слѣзаетъ съ него цѣлыми клочьями, онъ становится совершенно голымъ и только у самыхъ взрослыхъ остается не много шерсти на головѣ, на шеѣ и кое гдѣ на бедрахъ. Но эта шерсть не пропадаетъ даромъ: хозяева собираютъ ее и употребляютъ въ дѣло.

Вотъ такъ—то заботливо воспитаннаго верблюда уже можно употреблять на работу. Мы говорили, какъ не прихотливо бываетъ это животное въ кормѣ и поилѣ и какъ долго переноситъ всякую работу. Подъ вьюкомъ верблюдъ устаетъ не скоро, за то ужъ если онъ хоть разъ присталъ, то нѣтъ никакой возможности сдвинуть его съ мѣста: ни палки, ни побои, ни удары ножомъ—ничего не помогутъ; если животное несовершенно еще вышло изъ силъ, то ему нужно поскорѣе облегчить ношу—иначе съ нимъ ничего не сдѣлаешь. Даже безъ ноши, усталый и уже измороженный верблюдъ не трогается дальше ни на шагъ, и какъ съ нимъ ни бейся, а придется его бросить. Покинутое въ степи животное начинаетъ голодать, не-

имѣя достаточно пищи и гибнетъ, издыхая въ безводной голой пустынѣ. Въ самые сильные жары верблюдъ совсѣмъ не потѣетъ, но если подъ тяжестью начинаетъ обезсиливаться, то на тѣлѣ его вдругъ выступаетъ потъ крупными каплями. Тогда хозяева спѣшатъ освободить его вовсе отъ тяжести, и перекладываютъ ее на другихъ верблюдовъ или оставляютъ на немъ только самую легкую кладь.

Кромѣ овецъ и верблюдовъ Киргизы разводятъ еще, хотя и не въ такомъ количествѣ, рогатый скотъ и лошадей. Особенно извѣстны Киргизскія лошади и славятся своею крѣпостью, легкостью и быстротою: онѣ не велики ростомъ, весьма красивы и стройны. Вообще всѣ Киргизскія лошади имѣютъ рѣдкую способность не скоро утомляться: на иномъ крѣпкомъ конѣ отважный наѣздникъ можетъ проѣхать въ степи огромныя пространства отъ семидесяти и до ста верстъ безъ отдыха. Рогатаго скота гораздо менѣе, потому что онъ требуетъ большаго присмотра особенно въ зимнее время, когда самъ Киргизъ кое какъ укрывается въ своей кибиткѣ.

Въ огромныхъ стадахъ овецъ Киргизы держатъ козъ, впрочемъ потому только, что онѣ служатъ путеводительницами этимъ стадамъ. Овцы или по природному свойству или по привычкѣ двигаются съ мѣста только тогда, когда передъ ними пойдутъ впередъ нѣсколько козъ. Но если же козы тронулись, то стадо овецъ уже ничѣмъ нельзя остановить. Эти путеводители не всегда бываютъ вѣрными указчиками дороги: нерѣдко нѣсколько козъ увлекаютъ за собою большія стада послушныхъ овецъ въ такія мѣста, въ которыхъ они гибнутъ цѣлыми сотнями, на примѣръ проваливаются

въ рѣкѣ, которая не успѣла еще покрыться толстымъ льдомъ.

Земледѣліе не представляетъ такого господствующаго занятія Киргизовъ; это степное племя живетъ еще, какъ мы видѣли, настоящими кочевниками, не любитъ осѣлости, безъ которой невозможно никакое земледѣліе, да и самая степь, необъятное широкое пространство, мало представляетъ мѣстъ удобныхъ для воздѣлыванія: только по берегамъ рѣкъ и озеръ можно встрѣтить вспаханныя земли. Какъ привязаны и привычны Киргизы къ своей бродячей, кочевой жизни видно изъ того, что даже занимающіеся земледѣліемъ не живутъ постоянно на одной и той же землѣ, на своей пашнѣ: они кочуютъ около своихъ пашень только до того времени, когда созрѣетъ хлѣбъ. Сжавъ его и обмоловивъ, они берутъ съ собою только ту часть хлѣба, которая нужна имъ для прокормленія во время странствованія, а остальную зарываютъ въ землю до будущаго посѣва, и уходятъ въ другія мѣста. Надо сказать, что хлѣбопашество въ Киргизской степи заведено только въ недавнее время и большею частью людьми бѣдными, которые по своей нищетѣ не могли прокармливать однимъ скотоводствомъ.

Въ хлѣбопашествѣ Киргизовъ всего любопытнѣе поливка или наводненіе нивъ, для которыхъ обыкновенно избираются покатости горъ близъ воды или низкіе берега, и дѣлаются разнаго рода водохранилища. Когда Киргизъ выбралъ себѣ мѣстечко для своего поля, то онъ тотчасъ же принимается за его орошеніе слѣдующимъ образомъ. Онъ раздѣляетъ поверхность своего клочка земляными насыпями на квадраты различной величины, и потомъ проводитъ по своему полю одну

или нѣсколько канавъ соединенныхъ съ одной стороны съ рѣкою или озеромъ, а съ другой съ самымъ дальнимъ или верхнимъ квадратомъ. Начиная съ самаго возвышеннаго квадрата, черпаетъ трудолюбивый Киргизъ воду изъ естественнаго или искусственнаго бассейна и наполнивъ квадратъ водою, прорываетъ насыпь, находящуюся между нимъ и ближайшимъ квадратомъ и снова начинаетъ черпать воду. Особенность киргизскаго хлѣбопашества составляетъ еще то, что Киргизы прежде сѣютъ, а потомъ пахутъ: они раскидываютъ сѣмена по полю прежде обработки его, а потомъ уже вспахиваютъ.

Гораздо болѣе занимаются Киргизы торговлею и выгоднѣе всего съ русскими и китайцами. Но подъ именемъ киргизской торговли не должно разумѣть торговлю на деньги, какую ведутъ у насъ въ Европѣ. У Киргизовъ она находится еще въ томъ первобытномъ видѣ, какой имѣла у всѣхъ народовъ во время ихъ младенчества: она заключается не въ продажѣ или въ покупкѣ, а просто въ мѣнѣ одной вещи на другую. Привыкнувъ такимъ образомъ получать и сбывать всѣ свои товары, Киргизы никакъ не хотятъ знакомиться съ деньгами, съ монетою, и боясь быть обманутыми при продажѣ на деньги, они всегда запрашиваютъ ихъ чрезвычайно много, а при покупкѣ даютъ слишкомъ мало. Главными мѣстами, куда Киргизы приходятъ обыкновенно для торговли, служатъ наши пограничные города—Оренбургъ, Троицкъ, Петропавловскъ, Уральскъ и другія крѣпости. Но важнѣе всѣхъ ихъ Оренбургъ.—Товары, отдаваемые Киргизами, состоятъ почти изъ однихъ произведеній скотоводства: изъ самыхъ животныхъ разводимыхъ въ сте-

пи и изъ разнаго рода шкуръ и войлоковъ. Изъ Рос-
си получаютъ они за нихъ разныя металлическія ве-
щи, бархаты, сукна, шелковыя и бумажныя матеріи,
выдѣланныя кожи, бѣлилы, румяны и другіе предметы.

Киргизы—народъ необыкновенно честный; не смот-
ря на запрещеніе купцы всегда охотно вѣрятъ имъ
на большія суммы, и хотя Киргизы знаютъ, что ихъ
нельзя принудить платить, если они того не хотятъ,
однако платятъ свои долги всегда исправно, платятъ
часто больше чѣмъ слѣдуетъ, кряхтятъ да платятъ!
Платятъ часто и тогда, когда самъ купецъ повѣрив-
шій имъ, не помнитъ ужъ о долгѣ или считаетъ его
пропавшимъ, а иногда честные Киргизы добровольно
уплачиваютъ наслѣдникамъ его такіе долги свои, о ко-
торыхъ тѣ никогда и не подозрѣвали.

Вотъ, напримѣръ, жилъ въ Оренбургѣ одинъ
купецъ. Онъ былъ очень богатъ, но скупъ такъ,
что ужасъ! Онъ вель мѣну съ Киргизами, и
чрезвычайно туго съ ними торговался; Киргизы про-
звали его за это *темиръ-булатъ*, по русски *жельзо*.
Онъ раздавалъ Киргизамъ въ долгъ товары и хлѣбъ;
былъ онъ человѣкъ безграмотный, и потому по смерти
оставилъ записки, писанныя кое какъ и кое кѣмъ.
Сынъ его могъ требовать уплаты только такихъ дол-
говъ, о которыхъ помнилъ или онъ самъ или его ра-
ботники. Отцовскія записки разбирать было трудно,
да и бесполезно; притомъ же, какъ человѣкъ безпеч-
ный, онъ и не много заботился о сборѣ невѣрныхъ
долговъ. — Прошло много времени со смерти старика.
Разъ молодой купецъ ѣдетъ по рынку Оренбурга и
видитъ, какъ развѣзжаетъ какой-то Киргизъ и оретъ
во все горло. «Темиръ балгасы! Темиръ балгасы!...

Укажите мнѣ Темирова сына!» Мѣткія Киргизскія прозвища не забываются: присутствовавшіе сразу узнали, кого ищетъ Киргизъ и указали ему на молодаго хозяина. Киргизъ подскакалъ къ нему и, не слѣзая съ лошади, сказалъ: «двадцать лѣтъ тому назадъ я задолжалъ твоему отцу тридцать *курашковъ* (барашекъ); разныя бѣды и неудачи заставили меня откочевать въ дальнія мѣста, и я не могъ сюда показаться; потомъ меня ограбили на барантѣ и мнѣ нечѣмъ стало заплатить тебѣ. Теперь обстоятельства перемѣнились, я поправился и пригналъ твоихъ барановъ: возьми ихъ и не сердись, что я долго оставался въ долгу.» —

Въ прежнее время много водилось въ степи ловкихъ торгашей, которые умѣли отлично пользоваться стѣсненнымъ положеніемъ всегда смирныхъ и кроткихъ Киргизовъ. Много дѣлаютъ они съ ними и теперь разныхъ продѣлокъ. Вотъ, напримѣръ, одна изъ такихъ продѣлокъ: посмотрите, какъ эти торгаши покупаютъ задешево овецъ у Киргизовъ. — Овцы ягнятся обыкновенно весною, именно въ то самое время, когда Киргизы начинаютъ запасаться разными необходимыми въ ихъ быту товарами. Ловкій купецъ является въ степь за покупкою въ февралѣ и въ мартѣ мѣсяцахъ, и начинаетъ торговаться съ Киргизами или на чистыя деньги или на промѣнъ какого нибудь товара. Аршинъ за десять, за пятнадцать, а если Киргизъ очень нуждается, то и за шесть аршинъ легалаго ситца купецъ покупаетъ у хозяина *курашку*, то есть барана, который родится, можетъ быть, еще черезъ два мѣсяца. Киргизъ охотно соглашается на мѣну, благо наличныхъ денегъ купецъ съ него не требуетъ.

— Да, какъ же намъ быть? спрашиваетъ совѣстливый купецъ. Вѣдь я больше весной въ степь не поѣду.

— Твое дѣло — самъ знаешь! отвѣчалъ Киргизъ.

— Да вотъ что, братецъ ты мой, куда жь мнѣ съ твоимъ кургашкой дѣваться? Ну, ты самъ посуди, умная ты голова!

— Черезъ десять недѣль баранъ будетъ—возьмешь!

— Такъ стало быть на десять то недѣль ты мнѣ долженъ остаешься?

— Родится баранъ — сквитаемся!

— Да, сквитаемся! когда то еще этого дождешься, а мнѣ за твоимъ бараномъ не нарочно же въ степь трястись.

— Ну, какъ знаешь, такъ и дѣлай.

— Подавай назадъ ситецъ!

— Пожалуйста ситецъ оставь: я весь обносился, мнѣ ситецъ нуженъ; да и чего ты боишься, развѣ когда нибудь пропадали долги на Киргизахъ?

— Ну, что говорить — Киргизы честный народъ; да, братецъ ты мой, за что жь мнѣ то длить дѣло, Богъ знаетъ на сколько; наше дѣло торговое, деньги вездѣ нужны... заплати наличными!

— Да у меня нѣтъ наличныхъ!

— Ну, вотъ то же — видишь, какое дѣло; какъ не верти все оно худо.... А развѣ знаешь что?

— А что?

— Да ты побереги барана-то.

— На долго ли?

— Да до другой весны.

— Видишь ты! вѣдь мнѣ придется за нимъ ходить, кормить его....

— Э-эхъ, голова, голова! ходить! кормить! Да вѣдь ты станешь ходить за своими баранами? — Ну, и за моими попригляди! Будешь пасти своихъ, ну, пусть и мой попасется съ твоими вмѣстѣ: не пробѣсть онъ мѣста! Травы что ли пожалѣлъ? Эка бѣда какая! будто про одного тебя Богъ траву создалъ! въ Божьемъ мѣрѣ на всѣхъ, братецъ ты мой, травы станеть!... Такъ ты, того, попридержи моего то барашка, вотъ что! народятся, да пригляди за нимъ, хоть за спасибо, что я тебѣ въ долгъ вѣрю.... подрастетъ маленько, отгуляется (отжирѣеть), а я къ тому времени подоспѣю, приѣду—возму! Вѣдь это тебѣ равнѣшенько ничего не стоитъ.... Ну, чтожъ, согласенъ?

— Да оно, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ такъ ладнѣй будетъ! отвѣчаетъ простодушный степнякъ.

Купецъ съ Киргизомъ ударили по рукамъ — Киргизъ и съ бараномъ и съ ситцомъ остается дома, а купецъ уѣзжаетъ.

Черезъ годъ купецъ снова приѣзжаетъ на *сатовку*, (на мѣну), въ тотъ же аулъ и встрѣчается съ старымъ знакомымъ. —

— А, здорово!

— Здорово!

— Какъ поживаешь?

— Все по маленьку!

— Ну, какъ Богъ далъ по хозяйству?

— Плоховато нынче было: все стадо погигло, занесло бураномъ, загнало въ оврагъ, завалило снѣгомъ — такъ всѣ и передохли!

— Эхъ ты, бѣдняжка-бѣдняжка! Жаль мнѣ, братъ, тебя, да что станешь дѣлать — не въ нашей власти,

голубчикъ, ни снѣги, ни бураны.... Ну, а мой баранчикъ живъ?

— Погибъ вмѣстѣ съ другими.

— Ну, полно шутить! ты его вѣрно поберегъ, ты честный человекъ: ситецъ взялъ и понимаешь что мнѣ нѣтъ дѣла, были у васъ бураны или не были.... не все уже стадо у тебя подохло?

— Съ полсотни головъ осталось!

— Ну, вотъ и мой-то между ними попался — подавай его сюда!

Киргизъ ведетъ купца къ стаду, показываетъ ему на статнаго барана съ бѣлою волной.

— На, вотъ, возьми — теперь мы квиты!

— Чтожь это ты, пріятель! возражаетъ купецъ, завидѣвъ въ сторонѣ откормленнаго, жирнаго, чернаго какъ смоль барана:—меня не проведешь! я знаю, что кургашекъ народился для меня не бѣлый, а весь черный.... а, да вотъ онъ.... вотъ ты мнѣ его и подавай!

Гдѣ тутъ Киргизу спорить, какой народился баранъ бѣлый или черный? Онъ въ долгу у хитраго торгаша и принужденъ отдать ему откормленнаго, чернаго, годовалаго барана; а между тѣмъ набираетъ у него новыхъ товаровъ, и опять въ счетъ тѣхъ барашковъ, которые родятся у него черезъ мѣсяцъ или два. Но дѣло въ томъ, что годовалый баранъ стоитъ ровно вдвое противъ кургашка, и купецъ въ большихъ барышахъ, а простякъ Киргизъ въ большомъ убыткѣ.

Но бываетъ, что и эти торгаши дорого расплачиваются за свои хитрыя продѣлки. Когда-то очень давно жилъ въ одномъ городѣ Оренбургской линіи богатый перекупщикъ начавшій торговать съ алтына

и сдѣлавшійся чуть ли не милліонеромъ. Онъ принималъ особенное участіе въ барантахъ: скупалъ за дешево награбленный Киргизами скотъ, и потомъ уже торговалъ имъ открыто. У него были огромные табуны лошадей; однѣхъ онъ сбывалъ, другихъ снова приобрѣталъ такимъ же дешевымъ манеромъ. Однажды, ужь подъ старость, довѣренныя его работники изъ коренныхъ Киргизскихъ барантачевъ постучались къ нему условными ударами въ окно, темною, глухою ночью. Надо сказать, что домъ его былъ на выѣздѣ, въ концѣ слободки. Купецъ вскочилъ, выбѣжалъ на улицу и узналъ пріятелей.

— Что скажете?

— Пожива, хозяинъ; коней привели!

— Нѣтъ? много ли?

— Цѣлый табунъ, хозяинъ: головъ сто будетъ!

— Ужб, постойте, вотъ я сей часъ обалокуюсь (одѣнусь), сей часъ же загонимъ ко мнѣ во дворъ.

— Прежде деньги намъ вынеси, а то мы ускачемъ: съ тобой, хозяинъ, надо на чистоту дѣло вести.

— Какія же я вамъ деньги дамъ, коли коней не вижу: надо посмотрѣть, хороши ли, чего стоятъ....

— Да вѣдь вотъ они въ двухъ шагахъ, на лугу; всѣ тутъ на лицо.

Купецъ прихватилъ полочки халата и побѣжалъ по указанному направленію. Видитъ въ самомъ дѣлѣ табунъ: кони богатые! Правда, темень такая, что хоть глазъ выколи, но кони дружно ржутъ и храпятъ, рисуясь на темныхъ, покрытыхъ тьмою окрестностяхъ и едва замѣтными очертаніями намекаютъ на превосходство статей. Купецъ обрадовался вошелъ въ самую середину табуна, и сталъ по одиначкѣ гладить и

ходить каждую лошадку, ощупывая ихъ крутя бедра и хоть осязаніемъ стараясь разузнать о добротности товара. Киргизы торопили его, не то грозили отогнать табунъ, тѣмъ болѣе, что и разсвѣтъ близокъ и полиція—то не далеко, какъ бы не попасться. Нечего дѣлать! надо приступить къ торгу. Краденое вѣд дешево продается: Киргизы запросили по двѣ красненькія ассигнаціи кругомъ съ каждой головы; купецъ сулилъ по полтиннику. Начались споры, переторжки, купецъ далъ рубль серебромъ, потомъ давалъ по талеру, потомъ по синенькой бумажкѣ... дѣло порѣшили на семи рубляхъ кругомъ. Купецъ сбѣгалъ въ избу, отсчиталъ деньги, вручилъ ихъ Киргизамъ; тѣ повѣрили ассигнаціи, ворота заскрипѣли, работники загнали коней во дворъ и остались ночевать тутъ же.

Чуть только забрезжило раннее утро, купецъ выскочилъ полюбоваться на ночную покушку—но какой ударъ былъ нанесенъ ему! Вчера онъ перекупилъ собственныхъ коней! Работники пригнали къ нему его же табунъ, да ему же его и продали подъ видомъ краденыхъ Киргизскихъ. Работники раздѣливъ между собою семь сотъ рублей и получивъ на брата стѣзько, сколько не могли они выслужить у торгаша въ нѣсколько лѣтъ, въ ту же ночь ускакали въ степь и разошлись по ауламъ. Семь сотъ рубликовъ канули! Это произвело на торгаша такое потрясеніе, что его, какъ выражается нашъ простой народъ, *кандрашка хватила*: онъ былъ долго боленъ, и хотя выздоровѣлъ, но ужъ говорилъ не внятно, мямлилъ и косноязычилъ. Съ барантачами больше правда не связывался, но все таки не упускалъ случая провести ближняго.

IV.

Наружность Киргизовъ ясно показываетъ монголо-турецкое ихъ происхожденіе. Лица ихъ не такъ плоски и широки, какъ у Калмыковъ; но узкіе черные глаза, небольшой ротъ, выдавшіяся скулы, рѣдкая клочковатая борода—вотъ особенности Киргизскаго лица. Женщины почти всѣ черноволосыя, мужчинъ же болѣе темнорусыхъ; у первыхъ глаза меньше нежели у послѣднихъ; но какъ тѣ, такъ и другія крѣпки, дородны, роста вообще средняго, смуглы, въ молодости иногда стройны; но вообще вялы, не проворны и непригожи. Ведя самый простой, безпечный образъ жизни, употребляя простую пищу, проводя большую часть времени на свѣжемъ воздухѣ, Киргизы постоянно здоровы, долго-вѣчны, сильны и крѣпки. Они легко переносятъ голодь, жажду и стужу; за то сильный солнечный жаръ и спертый комнатный воздухъ для нихъ не-выносимы: жаръ ихъ изнуряетъ, а духота причиняетъ сильныя головныя боли, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые рѣдко или вовсе не бываютъ въ пограничныхъ городахъ и селеніяхъ и не привыкли къ городскому воздуху. Пробыть цѣлый день безъ питья и два дня безъ пищи для здороваго Киргиза ничего не зна-

чить; но за то при первой возможности онъ съѣсть и выпеть за троихъ. Киргизы славятся своимъ обжорствомъ: иные истребляютъ какъ звѣри невѣроятное количество мяса и любимаго напитка своего кумысу; между ними встрѣчаются такіе объѣдалы, которымъ ни почемъ съѣсть цѣлаго ягненка, и послѣ такой порціи приняться еще за другою.

Какъ пастухъ по преимуществу, Киргизъ употребляетъ только мясную пищу, произведенія скотоводства. Самыя употребительныя мяса у Киргизовъ — баранье, лошадиное, козлиное, иногда верблюжье и очень рѣдко говядина. Лошадиное мясо и копченые окорока изъ него считаются лакомствомъ особенно для бѣдныхъ, питающихся обыкновенно бараниной и *крутомъ*, который готовится въ родѣ нашихъ сухихъ сырниковъ изъ кислаго коровьяго, либо овечьяго молока. Всякій Киргизъ, отправляясь въ путь, привязываетъ къ сѣдлу своему мѣшокъ, наполненный *крутомъ*; дорогою онъ размачиваетъ его кусками въ водѣ, и утоляетъ имъ и голодь и жажду вмѣстѣ. Другаго рода Киргизскій сыръ называется *ереметчикъ*; онъ сладокъ, употребляется, какъ лакомство, и вываривается изъ овечьяго же или козьяго парнаго молока съ сушеными телячьими желудками.

Но самое обыкновенное кушанье Киргизовъ называется *бишъ-бармакъ*, что значитъ по русски *пять пальцевъ*; потому что его не ѣдятъ иначе какъ пальцами. Бишъ-бармакъ готовится изъ бараньяго мяса, мелко искрошеннаго и перемѣшаннаго съ кусочками сала. Киргизы также большіе охотники до разнаго рода колбасъ, приготовляемыхъ изъ сала и жира разныхъ животныхъ.

Все это мясная пища; растительной пищи Киргизы почти не употребляютъ, а печенаго хлѣба и вовсе не знаютъ, ибо не имѣютъ печей. Изъ муки, поджаренной съ саломъ и разведенной водою, готовится жидкая кашлица, называемая *баламыкъ*. Но это кушанье извѣстно не у всѣхъ Киргизовъ; его употребляютъ только тѣ изъ нихъ, которые занимаются землѣдѣемъ.

Изъ напитковъ Киргизскихъ первое мѣсто занимаетъ *кумысъ*. Онъ готовится слѣдующимъ образомъ: вливаютъ свѣжее кобылье молоко въ *турсукъ* то есть кожанный мѣшокъ; прибавляютъ къ нему не много кислаго коровьяго молока или круту и оставляя смѣсь эту киснуть, бьютъ ее деревянною колотушкою, къ концу которой приделывается деревянный кругъ съ провернутыми скважинами или просто выдолбленный съ низу кусокъ дерева. Черезъ два или три дня кумысъ поспѣваетъ, и тогда начинаютъ его употреблять, безпрестанно подбавляя въ него свѣжее кобылье молоко. Такимъ образомъ этотъ напитокъ долго не переводится. Киргизы очень любятъ кумысъ, и не имѣя возможности дѣлать его зимою, такъ много напиваются имъ въ продолженіе лѣта, что раздуваются, пухнутъ и почти не употребляютъ другой пищи. Кумысъ чрезвычайно сытенъ и здоровъ и употребляемый въ мѣру особенно полезенъ для людей съ слабою или разстроенною грудью. Онъ заключаетъ въ себѣ такое цѣлебное свойство, что наши доктора часто посылаютъ больныхъ лечиться кумысомъ и имъ поправляютъ здоровье.

Изъ кумыса Киргизы выдѣлываютъ также вино. Для этого молочную жидкость вливаютъ въ чугунный

котель, и накрывъ его колпакомъ изъ сырой кожи, ставятъ надъ ямою, которая служитъ вмѣсто печи. Этотъ колпакъ замазываютъ глиною, оставляя только мѣсто для желѣзной трубки, соединяющей этотъ котель съ другимъ также зарытымъ, но пустымъ котломъ. Потомъ въ ямѣ разводятъ огонь: кумысъ, нагрѣваясь, начинаетъ испаряться, а пары переходятъ черезъ желѣзную трубку изъ налитаго котла въ пустой и собираются въ немъ въ кислотоватое мутное вино.

Другіе напитки *Айрянъ*, кислое коровье или овечье молоко, которое сохраняется также, какъ и кумысъ; *арака* — очень рѣдкій напитокъ, приготовляемый изъ сарачинскаго пшена; наконецъ *саумалъ*: это тотъ же кумысъ, только разбавленный водою и свѣжимъ молокомъ.

Однажды позднимъ вечеромъ, около ночи, удалось нашему путешественнику присутствовать на киргизскомъ обѣдѣ или по нашему ужинѣ у одного султана Ахмета. Вотъ какими словами описываетъ онъ этотъ обѣдъ. Кругомъ кибитки, замѣнявшей столовый залъ, на коврахъ, разостланныхъ по полу, сидѣли почетные бии, поджавъ подъ себя ноги. Передъ ними растянута по полу, вмѣсто скатертей, сперва длинная, но узкія полотнища чистой бязи (матерія), а поверхъ нея такія же полотнища довольно засаленнаго ситца: это по объясненію султана служило доказательствомъ, что у него часто обѣдаютъ гости. У биевъ вмѣсто кушаковъ повязаны были бязинныя полотенца; у иныхъ такія же полотенца заткнуты за бархатныя поясы. Полотенца эти были такъ засалены, что ихъ гадко было въ руки взять; но Киргизы вытирали ими ротъ

и засаленность ихъ доказывала, что владѣльцы ихъ привыкли ѣсть жирно и сытно. За тѣмъ прислуга обходила всѣхъ съ тазомъ, рукомойникомъ и чрезвычайно чистыми полотенцами; каждый гость умывалъ руки, вытиралъ ихъ, и потомъ мысленно произносилъ молитву.

Начали подавать блюда. Первое кушанье — бишь-бармакъ. Его подано было нѣсколько блюде и каждое предоставлялось шестерымъ гостямъ: старшій изъ нихъ по лѣтамъ, по тучности и по положенію въ свѣтъ, первый приступалъ къ его уничтоженію и послѣ его первой горсти лѣзли съ руками въ блюдо и прочіе собесѣдники. Султанъ Ахметъ и Балгаджа морили меня сосмѣху, знакомя меня съ манерами чинно сидѣть за столомъ; я, разумѣется, сохранялъ все хладнокровіе, не улыбался, а только смотрѣлъ, что дѣлаютъ другіе и старался точно тоже дѣлать самъ.

Бульионъ показался Султану Ахмету немножко прѣсновать: онъ взялъ руками горсточку соли, высыпалъ ее на дно глубокаго фаянсоваго соусника, и сталъ пальцами распускать ее; бульионъ былъ довольно горячъ, но привычные пальцы Киргиза не подверглись обжогу. Посоливъ такимъ манеромъ бульионъ, онъ перемѣшалъ въ немъ куски мяса и, зачерпнувъ одной рукой бишь-баршаку, сталъ преспокойно ѣсть, выбирая другою рукою слишкомъ ужъ крупные куски и разрывая ихъ то просто зубами, то пальцами, если кусокъ слишкомъ разварился.

Балгаджа ѣлъ за троихъ, но не забывалъ и сосѣдей. Желая оказать почетъ одному Киргизу, который былъ нѣсколькими годами моложе его, и показать ему свое вниманіе, Балгаджа, набравъ полнехоньку руку бишь

бармаку, подозвалъ его къ себѣ и когда тотъ поклонился, приставилъ горсть къ его лицу. Киргизъ разинулъ ротъ и Балгаджа всунулъ ему туда всю баранину; но такъ какъ не вся же она могла въ немъ помѣститься, то тароватый Балгаджа протискалъ ему непомѣстившіеся куски просто на просто пальцемъ. Въ заключеніе всего онъ взялъ со стола опорожненное блюдо, приставилъ себѣ ко рту и преспокойно выхлебалъ весь оставшійся и ужь мутный, грязный бульйонъ вмѣстѣ съ мяснымъ соромъ и мелкими крошками баранины.

Блюдь было не много: бишь-бармакъ, да пловъ разныхъ сортовъ; но каждое кушанье подавалось по нѣскольку разъ и послѣ каждаго раза гости запивали пищу кумысомъ. Разговоръ завязался, и то отрывочно только между весьма не многими присутствовавшими; остальные ничего неговорили, знали ѣли-себѣ, да и только! Общее молчаніе прегромко и пречасто прерывалось всхлебываніемъ, жеваньемъ, чавканьемъ и неприятными звуками, говорившими о переполненности желудка жирной бараниной, жирнымъ пловомъ и кисловатымъ, холоднымъ кумысомъ...

По окончаніи обѣда слуги опять стали обходить гостей съ тазами и рукомойниками, то есть не съ настоящими рукомойниками, а съ очень похожими на нихъ — *Куданами*. Киргизы вымыли руки, освѣжили глаза, выполоскали ротъ и посвятили нѣсколько мгновеній молитвѣ. Потомъ все встали и сейчасъ же разошлись.

Одежда Киргизовъ, какъ и всѣхъ почти азіатцевъ, длинная, широкая и со всемъ неудобная для верховой ѣзды, въ которой они проводятъ большую часть жизни.

Главное верхнее платье состоитъ у мужчинъ изъ халатовъ, называемыхъ *чапанами*; смотря по времени года надѣвается ихъ лѣтомъ по одному или по два, легкихъ, а зимою по нѣскольку чапановъ, выстеганныхъ на хлопчатой бумагѣ или на верблюжьей шерсти, при этомъ нижній чапанъ замѣняетъ собою рубаху, ибо Киргизы никогда не носятъ бѣлья. Эти чапаны шьются изъ бархатовъ, суконъ, а легкіе изъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій; бѣдные люди носятъ собственной работы грубое сукно, войлоки и даже простое рогожи. Самые щегольскіе халаты, обыкновенно краснаго или малиноваго цвѣта, обшиваются золотыми и серебряными позументами. Длинныя и широкія полы чапановъ запрятываются въ широкіе суконные, плюсовые или кожаные шаровары, которые у щеголей также вышиваются золотомъ и шнурками. Все это подвязывается кожанымъ и шелковымъ съ разными серебрянными и мѣдными бляхами кушакомъ или поясомъ, къ которому привѣшиваются всегда ножъ и *калма*, то есть сумка съ огнивомъ, трутомъ и табакомъ. Между кушакомъ и поясомъ — та разница, что одинъ всегда повязывается, а другой застегивается. На ногахъ большіе съ разными вышивками сапоги, съ острыми загнутыми крючкомъ кверху носками и съ такими высокими и неловкими каблуками, что непривычному человѣку съ трудомъ можно ходить въ нихъ. Этотъ нарядъ Киргиза завершаетъ маленькая острокопечная изъ бархата или плюса шапочка, на которую при выѣздахъ надѣвается другая верхняя лѣтомъ войлочная, а зимою мѣховая, разукрашенная бархатомъ и позументомъ. Головы у Киргизовъ вообще бритыя; однако нѣкоторые изъ молодыхъ людей заплетаютъ

на макушкѣ и вискахъ косы. Бороды подбриваютъ или выщипываютъ только около губъ.

Женскій нарядъ почти ничѣмъ не отличается отъ мужскаго; онъ также длиненъ и широкъ. Нѣкоторыя Киргизь-Кайсачки носятъ простые халаты или чапаны, надѣвая ихъ подобно мущинамъ лѣтомъ по одному или по два, а зимою по нѣскольку. Шьютъ ихъ изъ парчи, бархата, шелковыхъ и бумажныхъ матерій. Остальныя принадлежности костюма тѣ же, что и у мущинъ. Единственное отличіе Киргизянокъ составляетъ головной уборъ. У замужнихъ женщинъ онъ состоитъ изъ высокой шапки но неостроконечной, какъ у мущинъ, а сръзанной на верху. Верхняя часть ея обвертывается большимъ кисейнымъ, шелковымъ или просто полотнянымъ покрываломъ, спускающимся на спину, и концами на плечи. На лобъ подвязывается подъ покрываломъ накладка, обшитая мѣхомъ и украшенная золотыми и серебряными блясками, жемчугомъ, кораллами, а у богачекъ даже и драгоценными каменьями. Длинные нитки съ этими дорогими украшеніями спадаютъ до самаго пояса, по плечамъ и груди. Но Киргизянки дѣвушки носятъ бархатныя или парчевыя шапки, но уже другой фигуры: у нихъ эти шапочки также какъ и у мущинъ остроконечныя, въ формѣ сахарной головы, но убираются бляхами, жемчугомъ, позументами и снизу обшиваются выдровымъ и бобровымъ мѣхомъ. Къ верхнему концу такой шапки пришиваютъ кисти и закалываютъ птичьими перьями.

Какъ женщины, такъ и дѣвицы носятъ волосы заплетенныя; — женщины раздѣляютъ ихъ на двѣ или на три косы, изъ которыхъ двѣ висятъ по плечамъ

или завиваются около шапки, а третью, обшитую въ бархатъ, спускаютъ по спинѣ. Дѣвушки заплетаютъ свои волосы въ нѣсколько тоненькихъ косъ, унизанныхъ серебряными бляхами, змѣиными головками, а на концахъ закрѣпленныхъ кистями, ленточками и другими украшеніями.

Такъ какъ Киргизы почти живутъ на лошадяхъ, то къ полному наряду ихъ принадлежитъ и конскій уборъ: сѣдла ихъ очень похожи на обыкновенныя казачьи съ плоскимъ и широкимъ, но очень покойнымъ задкомъ! Онѣ обыкновенно кожанныя и только у богачей бархатныя и плюсовые; луки оправлены серебромъ, бирюзой, сердоликами, раззолочены или высеребрены; узды съ насѣчками и бляхами, а также поводя и нагрудники; наконецъ стремяна серебряныя, желѣзныя, а иногда и деревянныя. Плетя также оправляются въ серебро. Вооруженіе Киргизовъ составляютъ: длинное ружье изъ котораго они стрѣляютъ не иначе, какъ слѣзши съ лошади и утвердивъ его на подставку; длиннѣе обыкновеннаго казачьяго копье; сабли, лукъ и стрѣлы. Но особенностью Киргизскаго вооруженія составляетъ такъ называемый ~~чаканъ~~ ^{чаканъ}; это — посаженный на длинную рукоятку топорикъ; Киргизы ловко владѣютъ этимъ чаканомъ, и раны наносимыя имъ бываютъ большею частью смертельны.

V.

Много говорили мы о Киргизахъ: о ихъ кочевкахъ, хозяйствѣ, домашнемъ бытѣ, а досихъ поръ ничего не сказали о ихъ вѣрѣ, суевѣріяхъ, празднествахъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой вѣры эти степные кочевники? Когда одинъ путешественникъ задалъ этотъ вопросъ двумъ Киргизамъ, то они отвѣчали ему просто: *не знаемъ*, и сказали совершенную правду. Трудно рѣшить, что такое Киргизы: магометане или язычники, или держутся они какой нибудь своей особенной вѣры. Всѣ они вообще признають одно высочайшее существо, сотворившее міръ; но одни поклоняются ему, какъ предписываетъ *Коранъ*, священная книга Магомета; другіе смѣшиваютъ ученіе Магомета съ остатками древняго идолопоклонства; наконецъ третьи думаютъ, что міромъ управляютъ два божества: одно — доброе заботится о счастіи людей, его называютъ они *Худай*; другое — злой духъ, *Шайтанъ*. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ боговъ, Киргизы признають многихъ другихъ духовъ и добрыхъ и злыхъ, которымъ приносятъ жертвы, читають свои молитвы и протягивая руки къ верху заклинаять быть снисходительными.

Умершій чрезвычайно легко можетъ сдѣлаться святымъ: для этого иногда довольно бываетъ, что бы на гробницѣ его выросло какое нибудь большое дерево. Такихъ святыхъ могилъ очень много разсѣяно по степи, и Киргизы ѣздятъ поклоняться имъ, читаютъ надъ ними молитвы, призываютъ покоящихся въ нихъ святыхъ, приносятъ имъ въ жертву домашнихъ животныхъ, и совершаютъ передъ ними различные другіе обряды.

Вообще Киргизы — народъ чрезвычайно суевѣрный. Такъ они вѣрятъ, что души покойниковъ при поминовении ихъ сходятъ на землю со звѣздъ, на которыхъ обыкновенно пребываютъ во власти духовъ или добрыхъ или злыхъ. Киргизы полагаютъ также, что каждый день зависитъ отъ особой звѣзды, счастливой или несчастливой и отъ того они раздѣляютъ дни на благополучные и неблагополучные. Такимъ суевѣріемъ отлично умѣютъ пользоваться между Киргизами юродивые, считающіеся у нихъ за людей не только благочестивыхъ, но и святыхъ. Эти юродивые — обыкновенно нищіе, не имѣющіе пропитанія; они нарочно одѣваются въ рубища, ходятъ изъ одного аула въ другой, напѣвая своимъ пронзительнымъ голосомъ разныя молитвы; корчатъ изъ себя какихъ-то вдохновенныхъ людей, предсказываютъ будущее и такими-то продѣлками всегда достигаютъ своей цѣли, то есть набираютъ деньги, и поправляютъ ими свое состояніе. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно ловкіе и плутоватые являются въ народѣ настоящими пророками, и собираютъ вокругъ себя большія толпы поклонниковъ.

Колдуновъ и гадателей очень много между Киргизами: они, по убѣжденію Киргизовъ, не только угадываютъ

прошедшее или настоящее и предсказываютъ будущее, но производятъ холодъ, жаръ; поднимаютъ бури, громъ, вѣтры; берутъ въ руки раскаленное желѣзо, кладутъ его себѣ въ ротъ, пронзаютъ себя острымъ оружіемъ и такими фокусами морочатъ легковѣрныхъ одноплеменниковъ. Эти колдуны раздѣляются на нѣсколько родовъ: одни гадаютъ по бараньимъ костямъ, которыя сначала обжигаютъ и въ образовавшихся въ нихъ трещинахъ видятъ все на свѣтъ; другіе — по цвѣту огня, котормъ горитъ баранье сало; третьи по звѣздамъ и т. д. Но забавнѣе и страшнѣе всѣхъ такъ называемые *баксы* или *бахчи*. Авторъ извѣстнаго сочиненія о Киргизахъ г. Левшинъ, бывшій въ степи въ 1830 году, самъ видѣлъ такого чародѣя, и вотъ какъ описываетъ его. «Бакса вошелъ въ кибитку самымъ тихимъ шагомъ, съ потупленными глазами, съ важнымъ лицомъ и въ рубищѣ. Взявъ въ руки *кобызг* (инструментъ въ родѣ гудка), сѣлъ онъ на коверъ, заигралъ, запѣлъ и началъ тихо качаться, а потомъ дѣлать разныя тѣлодвиженія. Съ возвышеніемъ головы ускорались и становились труднѣе его кривлянья. Онъ бился, вертѣлся, вытягивался и сгибался, какъ неистовый; потъ лилъ съ него градомъ, пѣна клубилась изо рта. Бросивъ кобызъ, вскочилъ онъ, вспрыгнулъ, затрясъ головою, сталъ кричать пронзительнымъ голосомъ, и созывать духовъ, то маня ихъ къ себѣ руками, то отмахивая отъ себя тѣхъ, которыя были ему ненужны. Наконецъ выбившись изъ силъ, съ лицомъ блѣднымъ, съ глазами, налившимися кровью, бросился онъ на коверъ, испустилъ дикій крикъ и умолкъ, какъ мертвый. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ привсталъ, озирался на всѣ стороны, какъ будто не зная гдѣ онъ, про-

челъ молитву и началъ предсказывать, основываясь, какъ онъ говорилъ, на бывшемъ ему видѣннн.

Но вотъ описаніе другаго Киргизскаго чародѣя. Онъ былъ родомъ Ташкенецъ степеннаго вида, на головѣ чалма, а на самомъ бѣлое полосатое, длинное платье, подпоясанное бѣлымъ же кушакомъ; въ рукахъ онъ держалъ высокій костыль, оправленный мѣдью, убранный разноцвѣтными камнями, и обвитый проволокою. Онъ сѣлъ на скамью посрединѣ кибитки, читалъ молитвы и призывалъ по именамъ почитаемыхъ магометанами угодниковъ, назначая каждому изъ нихъ занятіе; при этомъ онъ чувствовалъ великое восхищеніе и вмѣстѣ досаду, что одинъ злой духъ мѣшалъ ему слышать, что говорили угодники. Чтобы прогнать его онъ соскочилъ съ своего мѣста, бѣгалъ съ костылемъ по кибиткѣ, даже выскочилъ изъ нея вонъ, сѣлъ на осѣдланную лошадь, и ускакалъ въ поле болѣе чѣмъ за четверть версты. Возвратившись оттуда, онъ повертывался на лошади нѣсколько разъ на всѣ стороны, размахивалъ костылемъ и вошелъ въ кибитку съ спокойнымъ духомъ, радуясь, что прогналъ своего непріятели, злаго духа. Тамъ сѣлъ онъ по прежнему на скамью и съ особеннымъ благоговѣніемъ призывалъ своихъ угодниковъ; а спустя нѣсколько времени впалъ въ нѣкоторое безпамятство, повалился на землю и производилъ такія сильныя движенія, что едва четыре человекъ могли его держать. Наконецъ черезъ десять минутъ онъ успокоился, пришелъ въ совершенное чувство, и на вопросы присутствующихъ предсказывалъ все, что слышалъ отъ своихъ угодниковъ. Онъ говорилъ имъ, что текущій годъ окончится благополучно, безъ войны и всякихъ другихъ несча-

стей для народа, и общалъ все, что только могло имъ показаться пріятнымъ.

Эти колдуны, вмѣстѣ и медики и баксы, сплошь да рядомъ лечатъ больныхъ, своими особыми способами. Они садятся противъ больного, играютъ на кобызѣ, поютъ, кричатъ дикимъ голосомъ, бѣснуются и кривляются; потомъ вскакиваютъ съ мѣста, читаютъ бессмысленныя рѣчи, берутъ плѣть и бьютъ ею больного, думая этимъ изгнать изъ него всѣхъ нечистыхъ духовъ, производящихъ болѣзнь. Наконецъ они лижутъ больного языкомъ, кусаютъ до крови зубами, плюютъ ему въ глаза, и схватывая ножъ, бросаются на него, будто съ намѣреніемъ его зарѣзать. Каково же больному переносить такія лѣкарства!

Любимая забава Киргизовъ состоитъ въ скачкѣ. Для этого всѣ зрители собираются около цѣли, къ которой положено прискакать, возлѣ нея разставляютъ награды, призы отличнѣйшимъ изъ лошадей. Тутъ же изъ присутствующихъ гостей выбираются судьи для раздачи этихъ наградъ. Въ одно мгновеніе, по данному знаку всѣ наѣзтники съ одной линіи пускаютъ своихъ быстрыхъ скакуновъ, которымъ приходится иногда проскакать двадцать, тридцать и даже до шестидесяти верстъ. Можно себѣ представить, какъ достается при этомъ бѣднымъ лошадямъ: чуть только какая нибудь начинаетъ утомляться, какъ погоняютъ ее четырьмя или пятью плѣтьми, кричатъ, шумятъ и тащатъ ее къ цѣли. Бѣда тому, кто въ это время неумышленно или съ намѣреніемъ задержитъ бѣгъ лошади, попадется на пути скачущимъ: въ горячности они ничего не слышатъ, не видятъ и безъ разбору несутся впередъ. Не рѣдко случается, что лошадей до того

загоняють, что они мгновенно падаютъ мертвыми. Первый прискакавшій къ назначенному мѣсту получаетъ, разумѣется, самый дорогой призъ; а такой первый призъ состоитъ иногда изъ ста лошадей, или верблюдовъ, а слѣдующіе изъ оружія, халатовъ и сотни овецъ; на послѣдній достается часто одна коза. Въ скачкахъ принимаютъ иногда участіе и женщины.

Киргизы съ охотою забавляются также стрѣльбою изъ лука; они стрѣляютъ въ цѣль не только стоя, но и на всемъ скаку лошади и даже стоя на сѣдлѣ. И надо сказать, что между ними есть такіе ловкіе стрѣльцы, которыя не промахиваются и попадаютъ въ брошенное къ верху кольцо. Бѣганье, борьба и разныя гимнастическія упражненія занимаютъ не послѣднее мѣсто на киргизскихъ праздникахъ. Показать гибкость своего тѣла, поднять что нибудь на скаку, подвернуться подъ бѣгущую лошадь, усидѣть на сѣдлѣ, когда одинъ или двое ташутъ всадника съ лошади арканами: вотъ опыты удовольствія, которыми Киргизы привлекаютъ вниманіе зрителей.

Нѣкоторыя игры киргизскія очень забавны. Одна изъ такихъ игръ состоитъ напримѣръ въ томъ, что какой нибудь мужчина беретъ въ зубы косточку и всѣ женщины по очереди подходятъ къ нему съ тѣмъ, чтобы зубами же выдернуть у него косточку прежде, нежели онъ успѣетъ закрыть ее губами. Проворныя Киргизянки исполняютъ это довольно удачно; неповоротливая же должна цаловать того, который держалъ косточку. Есть забавы и другаго рода; напримѣръ силачи вырываютъ у живаго барана ноги; и одна изъ забавъ состоитъ въ томъ, что въ большую чашу съ кумысомъ бросаютъ монеты, и желающіе должны

отыскивать ихъ на днѣ и непременно ртомъ и проч. Многие Киргизы находятъ особенное удовольствіе смотрѣть на прозорство знаменитыхъ ѣдаковъ, которые являются на праздники нарочно за тѣмъ, чтобы приобрести славу въ обжорствѣ и истребляютъ при этомъ невѣроятное множество мяса и кумысу.

Для развлеченія гостей приглашаются обыкновенно музыканты съ *кобызами*, *чибызами* (родъ дудки изъ дерева или камыша) и *балалайками*, а также и пѣсенники. Киргизскія пѣсни почти никогда не выучиваются и слѣдовательно не переходятъ отъ одного къ другому; но всякій пѣсенникъ самъ сочиняетъ свою пѣсню, обыкновенно нескладную, безтолковую. Въ ней онъ непременно ужь поетъ про степь, про птицу, про коня, въ родѣ на примѣръ слѣдующаго: «Степь ты, степь широкая, и широкая ты и привольная; далеко по степи глаза мои видятъ, высоко надъ степью летаютъ птицы, привольно по степи кочуютъ Киргизы» и т. д., или:

Бросился ястребъ на утокъ,
 На стадо, стадо большое,
 Я самъ болѣлъ весь,
 И ѣда на умъ нейдетъ и т. д.

ВНУТРЕННЯЯ ИЛИ БУКЕЕВСКАЯ ОРДА.

Переберемся теперь через Уралъ. Между этою рѣкою и лѣвой стороною нижней Волги растилается новая степь, называемая *внутреннею*: по ней кочуютъ также Киргизы. Естественными границами этой печальной, пустынной степи можно принять на сѣверо-западѣ отрасль Уральскаго хребта или *Общій Сыртъ*; съ запада обтекаетъ ее Волга до самой южной границы степи, образуемой Каспійскимъ моремъ; съ востока примыкаетъ къ ней во всемъ съ нею сходная *Зауральская степь*, отдѣляющаяся отъ нея рѣкою Ураломъ и узкою полосою земли, принадлежащей *Уральскому казачьему войску*. Вся эта область простирается въ длину на 650 верстъ, а въ ширину отъ *Царицына*, на Волгѣ, до *Калмыковой*, на Уралѣ, на 600 верстъ. Здѣсь какъ и за Ураломъ все та же безбрежная, грустная и голая степь. Куда не поглядишь вездѣ пустыри, солончаки, сыпучіе пески и отсутствіе проточной воды. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на страшное вмѣстилище воды, которое представляетъ на западѣ Волга со всѣми своими рукавами и протоками, разливающимися въ весеннее время на со-

рокъ и болѣе верстъ по сторонамъ, все степное пространство до рѣки *Узень*—на востокъ и вплоть до самаго взморья—на югъ не представляетъ ничего кромѣ голой, сухой степи, на которой въ знойные мѣсяцы всѣ тощія злаки почти совсѣмъ пожигаются жаркимъ солнцемъ. Зима здѣсь обыкновенно короткая, морозы слабые, снѣгъ не крѣпокъ; санный путь весьма не продолжителенъ. Съ Іюня наступаетъ жара нестерпимая, температура нерѣдко возвышается за 40 градусовъ и никогда не спускается ниже 20—30 градусовъ. Ночи бываютъ удушливья. Въ это знойное время, продолжающееся до конца Сентября, жара умѣряется только прохладными восточными вѣтрами, свободно разгуливающими по голой степи; за то во время совершеннаго безвѣтрія этотъ жаръ не выносимъ. Въ Апрѣлѣ степь покрывается свѣжею растительностью, а потому это — самый постоянный и лучший мѣсяцъ; Іюль — самый жаркій и невыносимый. Лѣтній зной кончается обыкновенно въ Августѣ сильными грозами, къ которымъ присоединяются страшные вихри, помрачающіе воздухъ цвѣточною, поднятою со степей, пылью и гибельно дѣйствующіе и на растительность и на пасущіеся по степямъ нижней Волги стада. Бураны не рѣдкость въ этой степи. Одинъ путешественникъ, посѣтившій эту мѣстность еще въ тридцатыхъ годахъ, Гёбель испыталъ на себѣ лѣтній буранъ, застигшій его близъ возвышенностей *Чатчаги*. Вотъ его собственныя слова: «На разстояніи 500 шаговъ находился отъ нашей палатки небольшой песчаный холмъ, футовъ во сто длины, который вдругъ началъ двигаться, кружиться и, образуя сѣрая облака, подымавшіяся все выше и выше, шелъ прямо на насъ. Въ аулѣ

засуетились. Нѣсколько татаръ вскочили на лошадей и поскакали за большими стадами своими, чтобы отогнать ихъ въ другую сторону; табунъ лошадей въ 1200 головъ слишкомъ мчался густою массой, склонивъ морды къ землѣ; татарки хватали дѣтей игрившихъ передъ кибитками и вносили къ себѣ подъ кровъ. Мы ясно ощущали приближеніе вертящейся песчаной стѣны, ибо потокъ воздуха становился все сильнѣе и стремительнѣе, какъ вдругъ — песчаный столбъ внезапно своротилъ, прошелъ въ сторонѣ мимо аула и пропалъ въ степи. Хотя онъ и не захватилъ насъ, но мы были тѣмъ не менѣе совершенно осыпаны пескомъ; нашъ обѣдъ никуда не годился, и оловянные тарелки, блюда и т. д. плясали по степи; мы сами едва могли устоять и принуждены были употребить всѣ усилія, чтобы не быть унесенными вѣтромъ». Но еще убійственнѣе бываютъ эти бураны зимою, продолжаясь нерѣдко до трехъ дней. При началѣ бурана снѣгъ сбивается въ большіе, глубокіе сугробы. Съ усиленіемъ вѣтра снѣгъ поднимается выше, помрачаетъ солнце, и когда къ тому еще раздражаются облака, тогда ничего уже не видно, кромѣ густой непроницаемой массы снѣга, которая крутится такъ, что нельзя открыть глазъ. Да это и бесполезно, потому что въ двухъ шагахъ ничего не видно. Люди и звѣри дѣлаются какими-то шальными, теряютъ дорогу, блуждаютъ по цѣлымъ часамъ и погибаютъ отъ стужи и изнеможенія. Скотъ и лошади при началѣ бурана становятся головами противъ вѣтра, чтобъ онъ не поднималъ волосъ и чтобъ менѣе зябнуть. Но если буранъ усиливается, то они бѣгутъ и часто падаютъ въ пропасти, убиваясь до смерти. Всѣхъ болѣе отъ этихъ бурановъ тер-

пять Киргизы. Въ 1827 году весь скоть внутренней или букеевской орды, кочующей въ степи, между Волгою и Ураломъ, былъ загнанъ бураномъ на сѣверъ въ Самарскую губернію, при чемъ погибло 10,500 верблюдовъ, 280,500 лошадей, 30,480 штукъ рогатаго скота и 1,012,000 овецъ. Всего убытка понесли Киргизы на 13 съ половиною миллионъ рублей ассигнаціями.

Зимы въ степяхъ вообще бываютъ холодны и суровы; морозы бываютъ отъ 20° до 30°; южная часть степей обыкновенно мало покрывается снѣгомъ, ибо сильныя вѣтры сметають его съ плоской поверхности и заносять въ лощины и долины, находящіяся между песчаными холмами. Глубокій снѣгъ впрочемъ и въ особенности гололедица — гибельны для степныхъ жителей и для ихъ стада, которыя питаются только тѣмъ, что выгребаютъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга.

Такова въ главныхъ чертахъ здѣшняя природа. Рѣзкіе переходы отъ холода къ жару, недостатокъ воды, однообразная и негостепріимная почва, наконецъ многія постороннія и весьма вредныя вѣшнія вліянія — все это должно было придать степной растительности характеръ весьма печальный. Немногіе виды растений, способные переносить неблагоприятное вліяніе здѣшней природы, покрываютъ блеклую почву. Большая часть ихъ одѣты сѣрой, волосатой пеленой, защищающей ихъ отъ рѣзкой переменъ температуры, отъ жгучихъ лучей солнца и жадно втягивающей въ себя бѣдный запасъ атмосферической влаги. Отсюда этотъ грустный видъ, представляемый степями; вмѣсто веселой зелени видишь только грязную, сѣрую траву. Нѣтъ ни дерева, ни красующагося зелеными листья-

ми своими кусточка, на которыхъ бы можно было остановиться глазу; жесткая трава, нерѣдко въ ростъ человѣка, замѣняетъ здѣсь лѣса. Недостатокъ въ лѣсѣ вознаграждается множествомъ камыша, замѣняющаго собою здѣшнимъ жителямъ дрова; изъ него же плетутся плетни, изгороди, загоны для скота и даже хижинки, называемыя здѣсь *лобасами* и *турлушками*. — Весною растительность, словно волшебствомъ вызванная къ жизни, идетъ быстрыми шагами впередъ и въ нѣсколько недѣль проходитъ различныя ступени своего возраста. Въ началѣ Апрѣля, съ первыми теплыми днями появляются первые вѣстники весны: тюльпанъ, птицемлечникъ и косатки; но уже въ половинѣ Мая, особенно въ сухіе годы, степь походить на печальное пепелище, по которому кружатся и разносятся вѣтромъ умершіе стебли сочныхъ растений. Съ Августа наступаетъ новая весна для соляныхъ растений, которыя заканчиваютъ свою жизнь весьма поздно, нерѣдко въ началѣ Ноября. Гдѣ степь песчана, тамъ растенія отличаются совершенно отъ другихъ растеній, свойственныхъ глинистой и соленой части здѣшнихъ степей, которую можно считать самой печальной, пустынной и обнаженной страной Россіи.

Самую любопытную часть описываемой степной мѣстности составляютъ *Рылз* или *Нарылз Пески*. Эти песчаныя пространства производятъ на путешественника странное, тяжелое впечатлѣніе. Представьте себѣ волнообразныя насыпи отъ одной до шести сажень вышины, раздѣленныя другъ отъ друга широкими, похожими на равнины ложбинами. На поверхности ихъ песокъ розсыпчатъ, такъ что легко вязнешь въ немъ; внутренность этихъ насыпей гораздо плотнѣе, и са-

мые сильные вихри не въ силахъ измѣнить ихъ наружнаго вида. Глубокія ложбины между насыпями покрыты густою травою и частымъ кустарникомъ, скрѣпляющимъ своими переплетающимися корнями эту растительность. Для Киргизовъ эти Нарынъ Пески, простирающіеся на 150 верстъ въ длину и на 20 — 40 верстъ въ ширину, имѣютъ особенную важность; они служатъ самымъ удобнымъ убѣжищемъ зимою ихъ стадамъ, укрывающимся здѣсь за холмами отъ стужи и вѣтровъ и всегда находящимъ обильный кормъ даже въ зимнее время, подъ мелкимъ снѣгомъ. Поэтому трава на Рынъ Пескахъ заботливо сберегается лѣтомъ жителями и скотъ всегда легко можетъ достать ее изъ-подъ мелкаго снѣга. Сверхъ того Пески доставляютъ привольный для пастьбы водопой, ибо на всемъ протяженіи своемъ они изобилуютъ отличною прѣсною водою: стоитъ только вскопать верхній песокъ не глубже трехъ съ половиною футовъ.—Привлекаемые этими выгодами Зауральскіе Киргизы, еще за долго до окончательнаго переселенія своего въ эту степь, ежегодно перекочевывали изъ-за Урала въ Нарынъ Пески для зимовокъ, и здѣсь продовольствовали свои табуны и стада подножнымъ кормомъ. Такія переселенія извѣстны были подъ именемъ *перепусковъ*. Иногда Зауральскіе Киргизы, переселяясь сюда только на зимовку, оставались здѣсь совсѣмъ; а нѣкоторые, съ наступленіемъ лѣтняго времени, уходили опять на свои обыкновенныя лѣтнія кочевья. Между Киргизами сохранились воспоминанія, что предки ихъ, прикочевавши въ Рынъ Пески, нашли тамъ обширныя рощи,—въ нѣкоторыхъ урочищахъ до сихъ поръ видны остатки прежняго лѣса.

Между Рынъ Песками и Каспійскимъ моремъ, вдоль кочевья Кундурскихъ Татаръ, лежитъ холмистая часть внутренней степи. На этомъ участкѣ встрѣчаются довольно значительныя возвышенности, между которыми первое мѣсто занимаетъ гора *Богдо*, самое замѣчательное явленіе на пустынной и однообразной поверхности степи. Она лежитъ близъ самого большаго рукава Волги, Ахтубы, къ востоку отъ Черноярска, почти на самой границѣ степи. Калмыки, кочующіе въ этой мѣстности, называютъ эту гору *Богдо-Ола*, святою, великою горою, а также *Арслан-Ола*, львиною горою, ибо она образуетъ собою длинную, вытянутуюся гряду. Основаніе горы составляетъ трехугольная скала, подымающаяся въ направленіи къ северо-востоку на 400—500 футовъ и оканчивающаяся колцеобразною вершиною. Богдо пользуется большимъ уваженіемъ у кочующихъ здѣсь Калмыковъ: у нихъ существуетъ даже свое преданіе, что когда-то въ этихъ мѣстахъ кочевалъ Далай-Лама, и создалъ святую гору. Въ определенное время окрестныя Калмыки собираются въ ея священныхъ ущельяхъ, молятся здѣсь и приносятъ свои жертвы, кидая въ эти ущелья, въ даръ своему божеству, мелкія монеты и разныя другія вещи. Когда Гёбель посѣтилъ эту гору и производилъ на ней свои наблюденія, онъ нашель въ ущельяхъ ея множество клочковъ исписанной бѣлой и голубой бумаги и куски полотна. Проводники объяснили ему, что за нѣсколько дней до его пріѣзда Калмыки совершали здѣсь свое богослуженіе и что священники ихъ всегда при священныхъ обрядахъ разбрасываютъ эти лоскутки съ написанными на нихъ молитвами, иногда съ завернутыми въ нихъ вещицами.

Калмыки собираются сюда за цѣлыя сотни верстъ и передъ началомъ своихъ религіозныхъ обрядовъ освѣщаютъ глубокіе овраги зажженными свѣтильниками. Уваженіе къ этой горѣ такъ сильно въ народѣ, что никто не осмѣливается взойти на нее. Гёбель не могъ ни какими средствами убѣдить сопровождавшаго его Калмыка взойти съ нимъ вмѣстѣ на гору; Калмыкъ отвѣчалъ ему, что онъ ни за что не совершитъ этого ужаснаго грѣха, — «какъ можно», говорилъ онъ, «чтобъ я ступилъ на своего Бога».

Немного на сѣверъ отъ святой горы, уже въ самой степи, лежитъ другая меньшая гора, называемая Малая Богдо. Съ вершины ея открывается вправо обширный видъ на внутреннюю степь; на сѣверъ и на востокъ растиляются передъ глазами пространные солончаки или *Хаки* на 10—20 верстъ въ ширину и на 70 въ длину. Нѣкоторыя изъ этихъ соляныхъ грязей водянисты и не мерзнутъ зимою; другія наполняются водою только въ весеннее время, лѣтомъ же отъ сильныхъ жаровъ вода совершенно пропадаетъ, оставляя послѣ себя только глинистый илъ, покрытый слоемъ горькой соли. Эти грязи до такой степени топки, что черезъ нихъ ни переѣхать, ни перейти невозможно и кому по несчастію случится забрести въ нихъ, тому грозитъ неминуемая гибель: въ нихъ пропадаютъ иногда цѣлыя стада. Такъ въ 1825 году у Киргизовъ буря загнала въ эти грязи конные табуны, изъ которыхъ погибло до 2000 лошадей. Другія немногія возвышенія лежатъ всѣ въ западной части степи, ближе къ главному рукаву Волги, Ахтубѣ. Таковы: *Чанчачи* — верстахъ въ 70 отъ Ахтубы, поднимающаяся на 30 сажень, покрытая глиною, пескомъ и раздѣлен-

ная многими глубокими оврагами или ущельями какъ бы на нѣсколько отдѣльныхъ горъ; *Арзагаръ* или *Бещоко* — немного далѣе отъ Ахтубы; она состоитъ изъ десяти длинныхъ, бѣлыхъ, утесистыхъ гребней, имѣющихъ издали видъ огромнаго города, а потому эта гора называется иногда здѣшними жителями *Акколасо*, то есть бѣлою крѣпостью.

Но характеристическую особенность описываемой степи составляетъ обиліе въ соляныхъ озерахъ. Эти озера начинаются съ самаго устья Волги подъ Краснымъ-Яромъ и лежатъ обыкновенно въ котловинахъ между возвышенными частями степи. Отъ Краснаго-Яра они тянутся въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленіи. Самыя значительныя изъ нихъ: *Эльтонъ*, *Баскунчатское соляное озеро* и *Камышъ—Самарскія озера*. — Озеро Эльтонъ лежитъ въ степи въ 274 верстахъ отъ Саратова и въ 127 верстахъ отъ Камышина на Волгѣ; окружность его 47 верстъ, самый большой поперечникъ, въ направленіи отъ востока къ западу, содержитъ 20 верстъ. Берега его очень высоки, мѣстами достигаютъ до семи сажень. По западному берегу озера идетъ дорога къ нему изъ Саратова и Камышина, черезъ широкую, пространную лощину, по деревяннымъ мостамъ, прямо къ Эльтонской соленой пристани; на сѣверномъ берегу растутъ въ изобиліи камышъ. Низкія мѣста между берегомъ и поверхностью озера болотисты, покрыты солеными растеніями, въ которыхъ гнѣздятся водяныя птицы. Смотря по направленію вѣтра, вода озера то пригоняется на эти мѣста, то опять сбываетъ, такъ что они всегда болотисты и испускаютъ весьма непріятный запахъ. Это самое понудило провести каналы отъ

ЭЛТОНСКОЕ ОЗЕРО.

Анн К. Рухар

озера до твердыхъ береговъ, построить деревянные мосты и плотины, чтобы легче было доставлять на берегъ добытую соль. Близъ озера, равно какъ и на берегахъ впадающихъ въ него рѣчекъ, степь производитъ растенія, свойственныя только солянистой почвѣ. Во всѣхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ озеро, вода горька и солена, впрочемъ только весною; лѣтомъ же всѣ онѣ высыхаютъ. Не въ далекомъ разстояніи отъ Эльтона вырыто 14 колодцевъ, не очень глубокихъ, которыя доставляютъ превосходную воду. Вообще въ степи, за отсутствіемъ проточной воды, кочевыя племена добываютъ себѣ воду изъ искусственныхъ колодцевъ, изъ которыхъ одни существуютъ съ давнихъ поръ, а другіе и теперь еще вновь вырываются. Эти колодцы или, — какъ ихъ гораздо правильнѣе называетъ простой народъ, — *копани* суть ни что иное, какъ простыя ямы, раскопанныя до того мѣста, гдѣ показывается родникъ, наполняющій вырытую яму достаточнымъ запасомъ свѣжей воды. Если стѣнки копани выложены камнемъ или срубомъ, то она получаетъ названіе колодца. Тамъ, гдѣ поятъ скотъ, разомъ встрѣчается нѣсколько десятковъ копаней, потому что воды изъ одного колодца не достааетъ и для небольшого стада. Вода въ этихъ колодцахъ не всегда бываетъ одинакова хороша, иногда имѣетъ горькій и солоноватый вкусъ; но кочевой народъ самъ сырой воды не пьетъ никогда, она потребляется одними животными, которыя до такой степени привыкаютъ къ этому пойлу съ первыхъ дней рожденія, что оно не производитъ на нихъ никакого дурнаго вліянія.

Но вернемся къ Эльтону озеру. Бассейнъ его содержитъ въ себѣ твердую соль на неизмѣримую до сихъ

поръ еще глубину. Весною и осенью эта соль растворяется снѣжною и дождевою водою, а также водою выпадающихъ въ озеро рѣчекъ, въ такомъ количествѣ, что дно озера бываетъ постоянно покрыто сильнымъ растворомъ соли. Весною этотъ растворъ подымается на три четверти аршина и даже на цѣлый аршинъ; лѣтомъ же, когда вода отъ вѣтровъ и палящихъ лучей солнца быстрѣе испаряется, глубина раствора не бываетъ ниже аршина. Лѣтомъ, вслѣдствіе сильнаго испаренія, отдѣляются изъ раствора кристаллы соли, которые, сдѣлаясь одинъ съ другимъ, образуютъ на поверхности жидкости въ разныхъ мѣстахъ кору; когда вѣтеръ колышетъ воду, эта кора ломается и кристаллы опять погружаются отъ тяжести своей на дно озера. Это образованіе кристалловъ и погруженіе ихъ въ воду повторяется нѣсколько разъ въ продолженіи одного лѣта, такъ что на днѣ озера постепенно образуются новые слои соли. Этотъ молодой осадокъ имѣетъ красноватый цвѣтъ; онъ рыхлъ, распускается даже на воздухъ и по своему горькому вкусу не можетъ употребляться въ кушаньяхъ. Мало по малу становится молодой осадокъ крѣпче и ложится толстою и твердою массою на старомъ слоѣ соли.—На слѣдующій годъ, весною, снѣжная и дождевая вода, стремящаяся въ озеро, пропитываетъ и промываетъ его, при этомъ отъ него отдѣляются частицы, сообщающія ему горькій вкусъ и очищенная такимъ образомъ поваренная соль твердѣетъ все болѣе и болѣе, образуетъ каменистую массу и называется старою солью. На этотъ готовый пластъ соли ложится черная илистая масса и отдѣляется отъ вновь образующагося на ней пласта.

Такъ постепенно самую природою образуется соль на этомъ озерѣ, какъ и на другихъ озерахъ, называемыхъ поэтому *самосадочными*. На Эльтонѣ озерѣ нѣсколько разъ принимались розыскивать глубину соленыхъ пластовъ; такой опытъ былъ сдѣланъ въ 1805 году, когда начали буравить дно озера въ двухъ верстахъ отъ берега. Толщина первыхъ слоевъ имѣла отъ половины до двухъ вершковъ; когда отдѣлили 42 пласта, нашли, что слѣдующіе за ними пласты увеличились уже до пяти вершковъ и самая соль оказалась тверже и лучше. Выломавши сто пластовъ, наткнулись на такую твердую массу соли, что всѣ инструменты сломались. На двухъ саженьяхъ глубины признуждены были прекратить работы, ибо, отъ нестерпимаго запаха, нельзя было оставаться въ ямѣ долѣе 10 минутъ. Въ настоящее время соль ломаютъ только изъ верхнихъ слоевъ и притомъ на небольшомъ пространствѣ и не въ далекомъ разстояніи отъ берега; по каналамъ, прорытымъ для соляныхъ лодокъ, свозится соль на берегъ, откуда доставляется въ магазины близъ Саратова и Камышина. Сначала каждый годъ добывалось съ Эльтона озера соли не болѣе 13,500 пудъ; но въ 1807 году добыча возрасла уже до 10 милліоновъ пудъ. Въ десять лѣтъ отъ 1823 по 1833 годъ добыто было въ Эльтонѣ 22,535,019 пудъ соли. Эльтонскою солью снабжаются преимущественно слѣдующія губерніи: Саратовская, Пензенская, Тамбовская, Симбирская, Нижегородская, Рязанская, Тульская и Воронежская.

Но если Эльтонъ занимаетъ первое мѣсто между озерами въ Россіи по количеству добыванія соли, то другое озеро въ той же описываемой нами степи,

Баскунчатское, превосходить его въ качествѣ и чистотѣ соли. Оно расположено у подошвы горы *Большой Богда* и потому просто называется *Богда озеро*; имѣеть до 17 верстъ въ длину и до 45 въ окружности. Берега ея очень круты и утесисты, отъ 4 до 7 сажень, изрыты балками, по которымъ стекаютъ въ озеро соляные родники и при таяннн снѣга стремятся воды съ окрестной степи. Весною озеро наполняется водою, которая, растворяя большіе находящіяся въ немъ запасы соли, обращается съ теченіемъ времени въ крѣпкой соляной растворъ. Соляные пласты образуются на немъ точно такимъ же образомъ, какъ и на *Эльтонѣ*; они достигаютъ иногда до 5 вершковъ толщины и лежатъ непосредственно другъ на другъ безъ всякаго между ними промежуточнаго слоя земли.

Но самое большое вмѣстилище воды въ этой бѣдной рѣками степи представляютъ *Камыш Самарскія* озера; они расположены за восточную границу внутренней степи и составляютъ устья двухъ рѣкъ *Большаго* и *Малаго Узеня*. Общая длина этихъ озеръ съ сѣвера на югъ равняется сорока верстамъ, а ширина семидесяти. Эта группа состоитъ изъ множества небольшихъ, связанныхъ между собою узкими каналами бассейновъ и раздѣляется на-двое возвышенною, волнообразною плоскостью, называемою казаками *гривою*. Этотъ перешеекъ отдѣляетъ озера *Малаго Узеня* отъ озеръ *Большаго Узеня*. Самыя рѣки вытекаютъ изъ южныхъ склоновъ *Общаго Сырта* и, направляясь дугообразно къ юго-востоку, образуютъ своими разливами Самарскіе бассейны; теченіе ихъ — одного около 500 верстъ, а другаго около 400. Вода въ нихъ только

весною бываетъ годна для употребленія, въ остальное же время имѣетъ соленогорькій вкусъ, смотря по почвѣ русла. Въ верхнихъ частяхъ берега круты и утесисты, а къ устью постепенно понижаются. Пространство между этими двумя рѣками и самыми озерами состоитъ изъ отлогихъ, обнаженныхъ возвышеній, пересѣкаемыхъ лощинами, извѣстными у здѣшнихъ жителей подъ названіемъ *лопатинъ*; почва песчано-глинистая, солоноватая, безлѣсная, частью поросшая камышомъ и горькою полынью, а въ лопатинахъ луговою травой.

Между обоими Узенями, текущими при устьяхъ на разстояніи 12 — 16 верстъ другъ отъ друга, лежатъ еще три соляныя озера — *Степановы*, изъ которыхъ Уральскіе казаки добываютъ значительное количество соли. Гораздо бѣднѣе солью другія озера, покрывающіяся соленою корою только въ позднюю осень. — Въ 25 верстахъ отъ своего впаденія въ Самарское озеро Большой Узень совершенно высыхаетъ въ лѣтнее время, между тѣмъ какъ въ верхнемъ теченіи его вода постоянно сохраняется въ густомъ камышѣ. Но за то весною отъ дождей и тающихъ снѣговъ вода далеко выступаетъ изъ береговъ своихъ и заливаєтъ степное пространство на 30 и болѣе верстъ по обѣ стороны. Эти ежегодные разливы сильно оплодотворяютъ окрестную мѣстность, такъ что въ самое сухое даже лѣто эта часть степи доставляетъ превосходное сѣно: въ 1833 году, напримѣръ, въ поемныхъ мѣстахъ по берегамъ Узеня собрано было до 160 тысячъ пудъ самого лучшаго сѣна. Вслѣдствіе такого обилія, это плодотворное междурѣчье было предметомъ нескончаемыхъ споровъ между Киргизами и Уральскими казаками.

Въ настоящее время по берегамъ малаго Узеня тянется рядъ казацкихъ форпостовъ,—такъ называемая *военная узенская линия*; самыя важныя изъ этихъ форпостовъ—Глининскій, Мокринскій, Абинскій, Цербовскій и Толовскій. Недалеко отъ своего впаденія, Большой Узень принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны—*Мухоръ*. Эта рѣчка, имѣющая отъ 20 до 30 верстъ теченія, беретъ свой истокъ въ степи и весною течетъ въ крутыхъ берегахъ полнымъ русломъ; но лѣтомъ совершенно высыхаетъ. Нѣкоторые считаютъ Мухоръ просто за искусственно прорытый каналъ; въ старину часто прорывали здѣшніе жители такіе каналы для орошенія степи и ихъ много попадаетъ и теперь въ этой странѣ. Сухія ложа ихъ, весною набираясь снѣжной и дождевой воды, становятся настоящими рѣками; но съ высыханіемъ въ лѣтнее время Камышь—Самарскихъ озеръ, вода изъ этихъ рѣчекъ стекаетъ въ эти послѣднія и оставляетъ только сухія канавы.

Къ сейчасъ описанной Камышь—Самарской группѣ тянется съ запада цѣлый рядъ солончаковъ, покрывающихся твердою соляною корою, и чѣмъ ближе къ Самарскому бассейну, тѣмъ встрѣчаются они чаще.—Эта часть степи, называемая иногда *Самарскою*, представляетъ гораздо болѣе однообразія, нежели по ту сторону Узеней; здѣсь нѣтъ даже той волнообразной поверхности, которую представляютъ Рынъ Пески, а вездѣ твердая, песчаная равнина, покрытая артемизіями; нигдѣ не видать ни юрты, ни стада, одни только воздушные призраки въ самыхъ затѣливыхъ формахъ обманываютъ путешественника своими озерами, лѣсами и волшебными городами. — Соляныя

озера производятъ въ степи самое странное впечатлѣніе на путешественника: среди зеленой, украшенной яркими цвѣтами, окрестности ихъ блестящія кристаллы бѣлой соли бросаются въ глаза точно холодныя массы прозрачнаго льда. Внѣшній видъ соленыхъ озеръ мѣняется нѣсколько разъ въ теченіе дня: при восходѣ и закатѣ солнца, когда косвенно падаютъ лучи его, площадь озера блеститъ всѣми оттѣнками радужныхъ цвѣтовъ; въ полдень она принимаетъ бѣлый, блестящій видъ, тяжелый для глазъ; если стать на самомъ озерѣ и съ блестящей скатерти его взглянуть на небо, то южное, темноглубое небо покажется темносинимъ съ мутнозеленымъ отливомъ, а на окрестныхъ буграхъ будетъ совершенная ночь.

Обитатели этихъ пустынныхъ степей суть дикія лошади, стада сайгъ, лисицы, волки, большіе и маленькіе зайцы—скакуны; змѣи и ящерицы находятся въ большомъ количествѣ, особенно въ старинныхъ развалинахъ по лѣвому берегу Волги. Здѣсь же родина опустошительной саранчи и многихъ другихъ не столь опасныхъ насѣкомыхъ того же рода. Эта саранча шумными роями затмѣваетъ нерѣдко воздухъ и опустошаетъ на пути своемъ всю растительность. Внутренность степи избавлена правда отъ несмѣтныхъ миллионовъ комаровъ и другихъ насѣкомыхъ, этихъ мучителей прибрежныхъ жителей Волги и невыносимыхъ въ лѣтніе мѣсяцы; даже скорпіоны попадаютъ только на горѣ Богдо, но за то повсюду распространена въ степи толстая, въ полтора пальца длины тысяченожка, тарантула, еще болѣе ядовитый паукъ и наконецъ малоизвѣстная, но весьма ядовитая порода пауковъ, называемая Калмыками *Черной вдовой* и ко-

торой они весьма боятся. — Немало въ степи, особенно въ южной части ея, темносѣрыхъ волковъ, въ ростъ охотничьей собаки. Въ густыхъ камышахъ по озерамъ и не многимъ степнымъ рѣкамъ гнѣздится всегда множество утокъ, водяныхъ куръ, бекасовъ и другой озерной и болотной птицы; ненапуганные выстрѣлами, они близехонько подпускаютъ къ себѣ охотниковъ; журавли, иногда цѣлыми стаями въ 20 — 30 штукъ, такъ и вьются подъ ногами и несутся впередъ такъ близко отъ скачущаго всадника, что ихъ легко можно бить плетью.

Какъ ни печальна, какъ ни пустынна и страшна эта степь, но безчисленные памятники всякаго рода свидѣтельствуютъ, что она не переставала быть временнымъ мѣстопробываніемъ кочующихъ орды варваровъ. Повсюду, гдѣ только есть удобныя пастбища, вездѣ тамъ усѣяна поверхность многочисленными курганами, нѣрѣдко съ каменными истуканами и остатками стѣнъ древнихъ капищъ. Вслѣдъ за паденіемъ золотой орды явились здѣсь Ногайцы, по имени которыхъ и луговая низовая сторона называлась Ногайскою стороною. Ногайцы кочевали здѣсь очень долго, признали владычество Россіи и охраняли ея границы отъ киргизскихъ набѣговъ; но они должны были уступить здѣшнія степи новому и послѣднему народному переселенію—Калмыкамъ, занявшимъ степи по обѣ стороны Волги. Въ настоящее время большая часть заволжской степи, по лѣвую или восточную сторону Волги, населена Киргизами, къ которымъ мы теперь и обратимся.

Мы говорили выше, что Киргизы, привлекаемые обиліемъ пастбищъ заволжской степи, часто перехо-

дили изъ-за Урала въ Нарынъ-Пески для зимовокъ, и потомъ снова уходили за Уралъ на свои обыкновенныя лѣтнія кочевья. Послѣ присоединенія Зауральскихъ Киргизовъ къ Россіи, происходили въ Ордѣ безпрестанныя распри и раздоры между султанами, заискивавшими расположеніе своего народа, — убійства и баранты были безпрестанныя. Когда въ концѣ прошлаго столѣтія Калмыки, жившіе на Волгѣ, бѣжали съ этой рѣки въ Китай и опростали степныя пространства, то султанъ *Букей*, отличавшійся необыкновеннымъ умомъ и сметливостью, сталъ наводить справки о заволжскихъ степяхъ и рѣшился отдѣлиться отъ своей Орды и откочевать отъ нея подалеже на привольные луга Ахтубы, о которыхъ слава разносилась между кочевыми племенами еще съ очень отдаленныхъ временъ. Онъ началъ переселяться съ 1801 года и съ осени же, какъ обыкновенно водилось, перекочевалъ за Уралъ и утвердился въ Нарынъ-Пескахъ. Къ нему стали подкочевывать другіе его соплеменники и въ слѣдующіе года. Окончательное же переселеніе совершилось въ 1805 году въ числѣ десяти тысячъ кибитокъ. Эта-то вновь образовавшаяся орда, въ отличіе отъ Зауральской, и называется *Внутреннею* или, по имени виновника своего, *Букеевскою Ордою*.

По смерти основателя Внутренней Орды, ханское достоинство продержалось не долго, — только до 1845. Последнимъ Ханомъ заволжскихъ Киргизовъ былъ *Джанширъ*, о которомъ мы скажемъ сейчасъ подробнѣе; по смерти его, ханское достоинство было уничтожено, и заволжскіе Киргизы управляются теперь особымъ учрежденіемъ наравнѣ съ другими кочевыми племенами низовой стороны Волги. Киргизы Внутрен-

ней Орды, во многомъ сходныя съ своими зауральскими соплеменниками, существенно отличаются отъ нихъ тѣмъ, что, окруженные со всѣхъ сторонъ русскими, ранѣе ихъ ознакомились съ выгодами осѣдлой жизни и утратили свою прежнюю дикость и буйную воинственность. Первый примѣръ къ этой осѣдлости показалъ самъ Ханъ Джангиръ, человекъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Сначала онъ поставилъ себѣ въ Нарынъ-Пескахъ небольшой домикъ, а потомъ выбравъ другое болѣе удобное мѣсто, нѣсколько восточнѣе прежняго, выстроилъ на немъ большой деревянный домъ. Примѣру Хана послѣдовали приближенные къ нему богачи Киргизы и султаны и эта купа домовъ и получила названіе *Ханской Ставки*; она расположена въ сѣверо-западной части степи, у самаго начала соляныхъ грязей (хаковъ) недалеко отъ Нарынъ-Песковъ. Такъ какъ кочевыя племена имѣютъ два главные мѣстопробыванія — лѣтнее и зимнее; то и у Джангира поэтому были двѣ ставки: одна-зимняя, о которой мы сейчасъ сказали, — другая-лѣтняя, на рѣкѣ Торгунѣ. Но кочевнику гораздо отраднѣе, привольнѣе и здоровѣе проводить лѣто въ кибиткѣ, нежели въ стѣнахъ закупореннаго дома; поэтому вокругъ лѣтней ставки своего хана Киргизы не спѣшили обстраиваться. Здѣсь стоять, говорить, не болѣе десятка выстроенныхъ безъ печей, на скорую руку, домовъ; между тѣмъ какъ въ главной ставкѣ можно насчитать ихъ до сотни, не говоря уже объ одной хорошей мечети, множествѣ лавокъ и кладовыхъ; а не-вдалекѣ отъ ставки выстроены помѣстительный каравансарай (гостинный дворъ) съ 360 помѣщеніями для купцовъ.

Такъ положилъ Джангиръ основаніе къ осѣдой жизни подвластныхъ ему Киргизовъ. Этотъ замѣчательный Ханъ оставилъ послѣ себя любопытныя записки, въ которыхъ сообщаетъ намъ, какъ мало по малу прививалась эта осѣдность къ дикимъ жителямъ здѣшней степи. «Примѣръ, который я подалъ къ домообзаведенію, и мои личныя убѣжденія», говоритъ онъ, «побудили родоначальниковъ и нѣкоторыхъ старшинъ къ постепенному устройству домовъ и землянокъ съ нѣкоторыми хозяйственными принадлежностями. Простые Киргизы мало по малу начали устраивать и свои землянки. Стремленіе къ такимъ постройкамъ, при почти всегдашнихъ холодахъ зимою, развилась такъ быстро, особенно въ Нарынъ-Пескахъ и у Малаго Узена, что я самъ изумленъ былъ многочисленностью землянокъ: число ихъ во всей степи далеко заходитъ за тысячу. Каждый зажиточный Киргизъ думаетъ и старается, не смотря на трудность доставки и дороговизну лѣса, сдѣлать себѣ землянку. Всѣ эти жилища въ Ордѣ можно раздѣлить на зимовыя ставки родоначальниковъ и зимовки старшинъ и простыхъ Киргизовъ. Первые находятся на зимовыхъ мѣстахъ, занимаемыхъ родоначальниками, и состоятъ изъ небольшого дома для самого родоначальника и двухъ—трехъ землянокъ для другихъ помѣщеній и самыхъ необходимыхъ небольшихъ хозяйственныхъ построекъ. Вторыя—ставки старшинъ и простыхъ Киргизовъ — расположены на участкахъ назначенныхъ мною *отдѣленіямъ* родовъ для зимняго ихъ кочевья: эти зимовки состоятъ изъ глины и небольшихъ домовъ. На зимовки султаны, старшины и простые Киргизы прикочевываютъ съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ; кто имѣетъ дома

«или землянки — тотъ живеть въ нихъ, а у кого ихъ нѣтъ, тотъ по прежнему живеть въ кибиткѣ до наступленія теплаго весенняго времени. Съ этой поры всѣ выходятъ со скотомъ на лѣтнія пастбища, въ степь, «и кочуютъ опять до осени, до холодовъ».

Гёбель, о которомъ мы говорили, нѣсколько дней прожилъ въ гостяхъ у Джангира и подробно описалъ свою пѣздку въ Ханскую Ставку и свое пребываніе въ ней. Мы сообщимъ здѣсь нѣкоторые подробности изъ этого описанія. Нашъ путешественникъ въ первый разъ познакомился съ Киргизами на озерѣ Эльтонѣ: пока онъ занимался изученіемъ озера пріѣхали къ нему султанъ, старшина и секретарь хана, въ сопровожденіи нѣсколькихъ простыхъ киргизовъ и передали ему порученіе отъ Джангира, приглашавшаго его къ себѣ въ гости и общавшаго выслать ему на встрѣчу своихъ лошадей. Гёбель съ радостью принялъ это любезное приглашеніе со стороны киргизскаго правителя, угостилъ, чѣмъ могъ, своихъ новыхъ знакомцевъ и давши имъ слово черезъ три дня двинуться въ путь, простился съ ними подружески. Дѣйствительно черезъ три дня Гёбель тронулся въ путь. Дорога во внутреннюю киргизскую степь пролегла черезъ множество соляныхъ озеръ и высохшее русло небольшой рѣчки *Смореды*, впадающей въ Эльтонъ. Мѣстами уцѣляли по этому высохшему ручью въ глубокихъ ложбинахъ остатки прѣсной воды. Здѣсь останавливаются обыкновенно проѣзжающіе, чтобъ напоить лошадей и заpastись хорошей водой; здѣсь остановились и наши путешественники, чтобы отдохнуть и потомъ съ новыми силами двинуться впередъ по ровной, покрытой первою весеннею зеленью, степи. Па-

хучая артемизія, пестрый и желтый тюльпанъ покрываютъ собою необозримыя пространства и, смѣняя другъ друга, представляютъ настоящій коверъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Изъ густой травы высоко впередъ выглядываетъ красивая *Alauda calandra*; тамъ и сямъ высвѣчиваютъ изъ пестраго цвѣтника своими свѣтлыми глазками пестрыя ящерицы. — Проѣхавъ такими роскошными мѣстами, мимо безпрестанно попадавшихся навстрѣчу двугорбыхъ верблюдовъ, около 32 верстъ, Гѣбель съ своими спутниками достигъ киргизской границы и перваго, расположеннаго на ней, *Умета*. Уметъ — это домикъ, стоящій обыкновенно особнякомъ въ степи въ родѣ нашихъ постоялыхъ дворовъ. Здѣсь уже ждали его ханскіе послы, съ конвоемъ на 20 лошадахъ. Мигомъ запряжены были подъ экипажъ пять здоровыхъ коней; на козлы вскарабкался почетный кучеръ самого хана, бородастый татаринъ, уже десять лѣтъ исправлявшій у Джангира должность возницы; въ кибитку заложили другую пятерню лошадей, и вотъ весь этотъ поѣздъ поскакалъ — въ степи тихо не ѣздить — по ровной, покрытой тюльпанами, поверхности. Султанъ и ханскій секретарь скакали верхами на своихъ красивыхъ и борзыхъ коняхъ по обѣ стороны тарантаса. Заѣзжая впередъ его то съ праваго, то съ лѣваго боку, скакали до 20 простыхъ киргизскихъ всадниковъ въ своихъ странныхъ костюмахъ. Представьте себѣ сильныхъ мущинъ съ коричневыми, загорѣлыми отъ солнца монгольскими лицами, безбородыхъ, съ длинными бакенбардами, въ длинныхъ изъ лошадиныхъ шкуръ кафтанахъ, вывороченныхъ волнами наружу и обшитыхъ по рукавамъ и по спинѣ конскимъ волосомъ, на головѣ высокая, острокопеч-

ная шапка, — представьте себѣ толпу такихъ скачущихъ всадниковъ, и вы согласитесь, что они походили скорѣе на шайку разбойниковъ, нежели на почетный конвой путешественника. Уже вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло, остановились наши путешественники за нѣсколько верстъ передъ Ханской Ставкой: одинъ изъ провожатыхъ помчался впередъ, чтобы доложить хану о пріѣздѣ гостей. Когда они подъѣхали къ самому *дворцу*, нашли его торжественно освѣщеннымъ и множество слугъ были готовы къ пріему. *Зять* хана дружески привѣтствовалъ Гѣбея и ввелъ его во дворецъ. Сначала они вошли въ большую, ярко освѣщенную восковыми свѣчами залу; а изъ нея въ комнату, обитую дорогими персидскими коврами съ развѣшаннымъ по стѣнамъ оружіемъ Джангира. Потомъ провели его въ другую комнату, смежную съ первой и меблированную по европейски: она то и назначена была гостю. Въ ней не было недостатка ни въ зеркалахъ, ни въ люстрахъ, въ ней даже приготовлена была большая, покрытая коврами кровать. Въ оружейной комнатѣ, которая по восточному обычаю вся была выложена персидскими коврами, у задней стѣны наложены дорогія подушки вмѣсто дивана, а по обѣ стороны ихъ и по всѣмъ стѣнамъ висѣло оружіе, а также всѣ принадлежности верховой ѣзды: украшенные дорогими камнями конская сбруя, сѣдла, уздечки и т. п. вещи. Скоро вошли слуги: одни съ тонкими полотенцами и съ большимъ серебрянымъ умывальникомъ, а другіе разносили чай, кумысъ и айранъ въ большихъ вызолоченныхъ чашахъ. Затѣмъ накрытъ былъ столъ на европейскій манеръ и уставленъ блюдами; здѣсь были: превосходный рисовый супъ, въ разныхъ

видахъ баранина и любимое кушанье азіятскихъ народовъ, пилавъ, изъ вареныхъ съ шафраномъ риса, чернослива, изюма и кусочковъ баранины. Здѣсь не было недостатка и въ европейскихъ красныхъ и бѣлыхъ винахъ. Наши путешественники конечно не ожидали встрѣтить въ степи такого угощенія, которое показалось имъ тѣмъ болѣе вкуснымъ, что съ самого отъезда изъ Саратова, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, не ѣли ничего горячаго и часто бывали принуждены довольствоваться соляною или грязною водою и закусывать размоченными въ этой же водѣ сухарями. — «На «другое утро», говоритъ Гёбель, «я имѣлъ аудіенцію: «его *высокостепенство* встрѣтилъ меня дружескимъ «рукопожатіемъ въ дверяхъ устланной персидскими «коврами аудіенцъ-комнаты, посадилъ меня на софу «и самъ сѣлъ рядомъ со мною. Обоимъ моимъ спутникамъ предложены были стулья. Когда я высказалъ ему «свою благодарность за его радушный пріемъ, Ханъ «принялъ ее съ любезною снисходительностью, и объ- «явилъ мнѣ, что уже нѣсколько недѣль тому назадъ «онъ былъ извѣщенъ о моемъ пріѣздѣ военнымъ орен- «бургскимъ губернаторомъ, и что съ удовольствіемъ «получилъ это извѣстіе». Это свиданіе съ Джангиромъ происходило въ 1835 году; многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ въ степи; ровно черезъ 10 лѣтъ умеръ этотъ замѣчательный Ханъ и самое достоинство ханское, какъ мы уже сказали, было уничтожено, а поэтому и самая Ханская Ставка потеряла свое прежнее значеніе. Но Джангиръ положилъ такое прочное основаніе осѣлости Киргизовъ, что до сихъ поръ почти ежегодно обстраивается это мѣсто и представляетъ теперь цѣлое селеніе, которое называется или *сельцомъ-ставкою*

или просто *селеніемъ*. Теперь названіе *Ставка* выразительно указываетъ на то, что въ этомъ мѣстѣ сосредоточено главное управленіе степью; здѣсь же происходятъ и общіе съезды всѣхъ правителей отдѣльныхъ киргизскихъ родовъ.

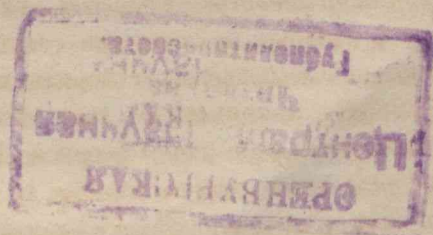
Въ этомъ селеніи живетъ постоянно много наѣзжихъ промышленниковъ — казаковъ, русскихъ мѣщанъ, купцовъ или ихъ прикащиковъ, а также разныхъ татаръ: они ведутъ здѣсь постоянный торгъ. Но главные торговые обороты происходятъ два раза въ годъ—въ весеннюю и осеннюю ярмарки, устроенныя въ Ставкѣ въ 1832 году. Главное богатство Киргизовъ состоитъ въ скотоводствѣ: можно сказать, что разсматриваемая нами обширная, безлѣсная, неспособная къ поселенію степь представляетъ собою огромный; естественный скотный дворъ и конскій заводъ для значительной части Россіи. По показанію самого Хана Джангира, у Киргизовъ Внутренней Орды во время его управленія количество скота простиралось до 99,300 верблюдовъ, 165,000 головъ рогатаго скота, до 3,000,000 овецъ и почти 500,000 лошадей. Если мы присоединимъ къ этому количеству 3 милліона головъ скота, которыми располагаютъ кочующіе около горы Богдо Калмыки, то увидимъ, что въ Ставкѣ происходитъ ежегодно весьма обширная торговля преимущественно шерстью, волосомъ, саломъ, овчинами, кожами и войлокомъ, которыми согрѣваются и освѣщаются многія сѣверныя губерніи восточныхъ равнинъ Европы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и холодныя, полярныя страны на низовьяхъ Сѣверной Двины.

Мы указали на главное отличіе Букеевскихъ Киргизовъ отъ ихъ зауральскихъ соплеменниковъ: оно

состоить въ осѣдлости, въ большей мягкости нравовъ и народнаго характера; во всемъ остальномъ эти двѣ половины одного и того же народа совершенно сходны между собою; а потому распространяться намъ объ этомъ больше нечего. Скажемъ только въ заключеніе своего очерка словами извѣстнаго уже намъ путешественника, г. Небольсина: «Киргизы, какъ и всякое «кочевое племя, живутъ настоящею своею жизнью только до тѣхъ поръ, пока у нихъ обширно еще скотоводство, обширны еще пастбища. Безъ скота и при малоземельѣ, кочевка невозможна, а жить надо: для этого народъ прощается съ прежнимъ бытомъ, принимается за соху и борону и церерождается подъ «вліяніемъ окружающихъ его обстоятельствъ въ осѣдлаго труженика, въ мирнаго гражданина».

К О Н Е Ц Ъ .

91/5)
 —
 0 95

инвентарь № 2257 22636

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:			Читай:
Страница 1	строка 1	громадную	— громадную
— 37	— 20	нужны	— нужны:
— —	— 21	вѣтровъ;	— вѣтровъ,
— —	— 23	служать	— служащіе
